

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник статей участников
XII научно-практической конференции

(Москва, 10 апреля 2020 г.)

Москва • 2020

УДК 34
ББК 67
А43

Редакционная коллегия:

В.В. Казаков, ученый секретарь Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

К.А. Комогорцева, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Рецензенты:

А.Ю. Винокуров, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Р.А. Севостьянов, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент;

В.А. Шиплюк, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Ответственность за содержание статей, за точность и достоверность приведенных фактов, данных и цитат, а также за библиографический аппарат несут авторы статей.

А43 **Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых:** сб. ст. участников XII науч.-практ. конф. (Москва, 10 апр. 2020 г.) / под ред. В.В. Казакова, К.А. Комогорцевой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2020. – 136 с.

В сборник включены статьи участников XII научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых», состоявшейся в Университете прокуратуры Российской Федерации 10 апреля 2020 г. в заочной форме. В статьях сборника рассматриваются проблемы прокурорской деятельности, криминалистики, криминологии, уголовного и уголовно-процессуального права.

Для работников органов прокуратуры, правоохранительных и контрольно-надзорных органов, научных и педагогических работников, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

УДК 34
ББК 67

© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2020

А.Ю. Архипова,
студент 3 курса Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу о беспомощном состоянии потерпевшего при совершении убийства

Одним из квалифицирующих признаков умышленного причинения смерти другому человеку, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. В уголовно-правовой науке, в практической деятельности следственных и судебных органов дискуссионным является вопрос о том, какое состояние можно признавать беспомощным. Единства в решении данного вопроса нет до настоящего времени.

Если обратиться к толковому словарю русского языка, беспомощный – это тот, который нуждается в помощи, слабый, неспособный сам сделать что-нибудь для себя¹.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что под беспомощным состоянием следует понимать неспособность лица в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному. Кроме того, в названном постановлении приводится перечень лиц, находящихся в беспомощном состоянии: тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Такое состояние, как сон, – естественное физиологическое состояние человека в которое потерпевший вводится либо под воздействием наркотических, психотропных, алкогольных веществ, либо иным способом, например, под воздействием гипноза, обморока, Верховным Судом Российской Федерации в настоящее время в качестве беспомощного при убийстве не признается.

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 129.

Правоприменительная практика по рассматриваемому вопросу также не является стабильной, так как позиция Верховного Суда Российской Федерации в различные периоды менялась.

После принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. сон относился к числу обстоятельств, позволяющих рассматривать потерпевшего в качестве лица, находящегося в беспомощном состоянии. Однако после вынесения Президиумом Верховного Суда Российской Федерации решения по делу Тарасова, совершившего убийство трех человек, в том числе спящего Осипова¹, судебная практика по данному вопросу изменилась. Сон стал признаваться не беспомощным состоянием, а исключительно «жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека», которое не лишает жертву возможности оказать сопротивление преступнику.

Однако нельзя полностью согласиться с данной позицией. Сон – это естественный временный процесс, происходящий в организме человека, при котором полностью либо частично прекращается работа сознания: это состояние сопровождается минимальным уровнем мозговой деятельности и пониженной реакцией на окружающий мир, на возникающую опасность². Преступники, которые готовятся совершить убийство, зачастую используют это состояние человека для облегчения достижения своей цели, понимая, что именно в этом состоянии человек неактивен, он не может оценить происходящее и помешать исполнению задуманного.

Суды же исключают из обвинения такой квалифицирующий признак, как беспомощное состояние, если человек в момент причинения смерти находился в состоянии сна, в том числе вызванного воздействием алкогольных или иных одурманивающих веществ, гипноза, обморока и т.д.

При принятии таких решений не учитываются медицинские аспекты сна и изменения, происходящие в каждой из стадий сна, которые и могут свидетельствовать о беспомощном состоянии человека.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.08.1999 № 749-П99 // БВС РФ. 2000. № 2.

² Шалдяева Е.Г., Розумань И.В. Медицинские аспекты оценки сна как беспомощного состояния потерпевшего в момент его убийства // Вестн. судебной медицины. 2017. № 2. С. 29.

На наш взгляд, указанная позиция не совсем верна и обоснованна.

Так, ученые-медики выделяют следующие изменения, происходящие в организме человека: снижение уровня сознания, понижение чувствительности сенсорных систем, снижение активности центральной нервной системы и др.¹

В связи с этим для объективной оценки состояния спящего человека необходимо определить его физическое состояние в момент смерти. Для этого требуется выяснять детально все обстоятельства, предшествующие убийству, и осознание виновным состояния жертвы. Кроме того, необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы с участием врачей и специалистов по профилю: сомнолога, физиолога, невролога и других – с целью определения медицинских критериев состояния спящего, а именно, находился ли человек в момент убийства в состоянии сна². Установление такого состояния в результате совокупности добытых доказательств может свидетельствовать о беспомощном состоянии, возникающем при патологических процессах, происходящих в организме человека, а следовательно, естественный (физиологический) сон при юридической квалификации преступления следует относить к беспомощному состоянию.

Состояние опьянения также, по мнению судов, не является беспомощным. К примеру, в постановлении по делу З. Президиум Верховного Суда Российской Федерации указал, что даже наличие в крови потерпевшего этилового спирта в концентрации 3,4%, что соответствует сильной степени алкогольного опьянения, не может расцениваться как беспомощное состояние³.

Считаем справедливым мнение А.Н. Попова о том, что можно признавать беспомощным то состояние алкогольного опьянения, которое исключает возможность оказания сопротивления виновному со стороны потерпевшего⁴.

¹ Павлов И.П. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Кн. 2. / И.П. Павлов; Акад. наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

² Шалдяева Е.Г., Розумань И.В. Указ. соч. С. 29.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15.12.1999 № 1221-П99ПР // БВС РФ. 2001. № 5.

⁴ Попов А.Н. Преступления против жизни, совершенные при отягчающих обстоятельствах, относящихся к личности потерпевшего (п. «б», «в», «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. С. 152.

На наш взгляд, состояние опьянения (алкогольного, наркотического, токсического) можно признавать беспомощным, если потерпевший не способен оценить опасность для его жизни и не может самостоятельно воспрепятствовать преступному посягательству. При этом следует согласиться с Э.В. Кабурнеевым, что такое состояние необходимо признавать беспомощным независимо от того, что потерпевшего в данное состояние привел сам виновный или потерпевший уже находился в этом состоянии¹.

Признание сна, состояния опьянения беспомощным состоянием, на наш взгляд, не противоречит ни закону, ни судебной практике, а, напротив, соответствует им, поскольку закон признает беспомощным состоянием потерпевшего такое состояние, при котором он не может защитить свою жизнь. Безусловно, оценивая такое состояние, необходимо устанавливать все обстоятельства, предшествующие посягательству, а также обстоятельства, происходящие в момент его совершения. Важно выяснять, как вел себя потерпевший до рассматриваемых событий, оказывал ли сопротивление в момент совершения в отношении него преступления. Об этом могут свидетельствовать сам виновный, свидетели, обстановка на месте происшествия, телесные повреждения у виновного и потерпевшего и т.д.

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» перечень лиц, которые могут быть признаны находящимися в беспомощном состоянии, не является исчерпывающим, поэтому суды по каждому конкретному делу, с учетом всех установленных обстоятельств должны давать оценку с точки зрения нахождения потерпевшего в беспомощном состоянии, вызванном состоянием сна либо опьянения.

Так, верной, на наш взгляд, является позиция военного суда Уральского военного округа по делу Я., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и О., осужденного по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. По результатам рассмотрения уголовного дела суд исключил из обвинения ква-

¹ Кабурнеев Э.В. Преступления против жизни и здоровья. М., 2004. С. 9.

лифицирующий признак – убийство потерпевшего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, сославшись на то, что потерпевший в момент убийства не спал. Установлено, что перед убийством Я. подошел к спящему потерпевшему и толкнул его рукой в бок, в результате чего потерпевший проснулся¹.

В данном случае суд, установив, что потерпевший проснулся в момент убийства, обоснованно пришел к выводу, что он в беспомощном состоянии не находился, поскольку у него была реальная возможность оценить опасность и оказать сопротивление нападавшим.

Таким образом, при определении состояния беспомощности необходимо давать не только формально юридическую оценку установленным обстоятельствам, но и учитывать особенности процессов, происходящих в организме человека, находящегося в состоянии сна или в состоянии сильной степени опьянения. Беспомощное состояние представляет собой такое физическое, психическое или психофизическое состояние человека, при котором он не способен оценить опасность и принять меры к сохранению жизни в момент посягательства на нее, поэтому понятие «беспомощного состояния» нуждается в расширительном толковании Верховным Судом Российской Федерации: это и сильная степень опьянения, и бессознательное состояние (обморок, сон, гипноз и др.).

¹ Обзор кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам за 2000 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12746&dst=100002#02543974995077851> (дата обращения: 04.05.2020).

Н.Е. Богданов,
студент 2 курса Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Общественная значимость уголовно-правового регулирувания криптовалюты

Криптовалюта – виртуальные деньги и совсем новое явление как в экономике, так и в праве. Из простых вычислительных операций они трансформировались в реальное денежное средство с рыночной стоимостью и особыми рыночными механизмами. В мировом сообществе превалирует мнение, согласно которому криптовалюта является полезной инновацией с огромным экономическим потенциалом. Однако необходимо заметить, что финансовые операции с использованием виртуальных денег высокорискованные, поскольку прибыль можно как получить, так и потерять. В связи с этим актуализируется вопрос об уголовно-правовой оценке противоправных действий с криптовалютой, а также является ли она предметом уголовно-правовой охраны. Особенно это актуально в настоящее время, ведь, по оценке некоторых специалистов, увеличилось количество преступлений, которые связаны с использованием криптовалюты¹.

Понимание правовой природы криптовалюты зависит от ее определения, которое на данный момент не выработано. Автору хотелось бы отметить позицию Министерства финансов Российской Федерации, которое рассматривает криптовалюту как денежный суррогат (не является денежным средством), у которого нет централизованного эмитента². То есть это децентрализованная валютная система, состоящая из электронных кошельков по всему миру, – своеобразный огромный банк, работающий круглосуточно и никем не контролируемый. Исходя из этого, прихо-

¹ Семенов В.Р. Криптовалюта с точки зрения уголовного права // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. 2018. № 4 (45).

² Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 02.10.2017 № 03-11-11/63996 «О регулировании выпуска и оборота криптовалют». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71714604/> (дата обращения: 27.04.2020).

дим к выводу, что подобная система может вполне использоваться в противоправных и даже преступных целях.

Криптовалюта как денежное средство (суррогат) может финансироваться в терроризм, незаконный оборот наркотических, психотропных веществ и их аналогов, торговлю людьми, незаконный оборот порнографических материалов, незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, ядерных материалов и радиоактивных веществ. Таким же образом криптовалюту можно использовать в качестве средства совершения преступления: легализации имущества, приобретенного незаконно; уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей; незаконной банковской деятельности (однако некоторые правоведы полагают, что незаконная банковская деятельность может осуществляться только с помощью денежных средств, которыми криптовалюта не является)¹. Данное положение усугубляет то, что движение криптовалюты невозможно отследить и проконтролировать, все транзакции происходят анонимно. Безусловно, необходимо обратить внимание на то, что криптовалюта может быть предметом хищения: вымогательство с помощью вирусного программного обеспечения; использование фальшивых электронных кошельков; фишинг (получение доступа к конфиденциальным данным пользователей); финансовые пирамиды.

Преступник получает доступ к уникальному коду шифрования, с помощью которого может фактически украсть виртуальные деньги: обменять на реальные денежные средства или товар. Исходя из этого, по справедливому мнению некоторых правоведов, подобные действия можно квалифицировать по ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к компьютерной информации.

Приведем пример уголовного дела, по которому подсудимый состоял в организованной преступной группе, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств посредством Интернета. Преступная группировка распоряжалась добытыми преступным путем денежными средствами с помощью различных виртуальных кошельков, на которые поступала оплата за проделанную работу в виде криптовалюты, после чего на банковские счета переводились легализованные от сбыта наркотических

¹ Землюков С.В., Коренная А.А. Правовой статус криптовалюты в уголовном праве // Известия АлтГУ. 2018. № 3 (101). С. 48.

средств денежные средства из криптовалюты в российские рубли. Рассмотрев дело, суд вынес обвинительный приговор в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ¹.

Также необходимо отметить, что суды выносят обвинительные приговоры в совершении преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ». При этом суды не учитывают, что при использовании вирусного программного обеспечения фактически происходит хищение денежных средств в виде криптовалюты. Здесь мы сталкиваемся с проблемой признания криптовалют предметом хищения. На сегодняшний день это один из самых актуальных и дискуссионных вопросов.

Предмет хищения должен соответствовать экономическому, юридическому и физическому признакам. Следует полагать, что криптовалюта соответствует экономическому признаку, поскольку обладает определенными платежными свойствами. Также соответствует юридическому признаку наличие владельца. Сложнее с определением физического признака, поскольку предмет хищения должен быть материально очерчен в пространстве. Однако все чаще поднимается вопрос о том, что объекты права собственности не обязательно должны иметь материальную природу. Так, в судебной практике признаются предметом хищения безналичные денежные средства, не имеющие физического признака и специфической формы. Существует иная точка зрения, согласно которой криптовалюты обладают специфической формой – особым ключом шифрования².

Безусловно, предмет хищения должен быть объектом гражданских прав. В связи с этим необходимо обратить внимание на изменения, внесенные в гражданское законодательство. В частности, на ст. 128 ГК РФ, которая была расширена за счет включения в список гражданских прав так называемых цифровых прав, понятие которых содержится в отдельно введенной ст. 141¹ ГК РФ. Автору близка позиция, согласно которой определение цифровых прав, да-

¹ Приговор от 03.07.2017 № 1-125/2017 по делу № 1-125/2017. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Y6XofyVXCQHJ/> (дата обращения: 27.04.2020).

² *Коренная А.А., Тыдыкова Н.В.* Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // *Всерос. криминолог. журн.* 2019. Т. 13. № 3. С. 412.

ваемое в ст. 141¹ ГК РФ, довольно широкое и может включать в себя любые права, которые фиксируются цифровым способом. Следовательно, к ним можно отнести криптовалюту, поскольку само наличие криптовалюты означает фиксацию права на определенные блага, обладающие экономической ценностью¹.

Исходя из этого, полагаем, что криптовалюта вполне может быть предметом хищения, а значит, в целом предметом преступного посягательства. На сегодняшний день существуют все предпосылки к признанию криптовалюты предметом хищения², поскольку уголовно-правовое значение криптовалюты определяется ее экономической значимостью и легализацией со стороны государства в законное платежное средство. Однако вопрос остается открытым. Складывается различная судебная практика, юридическая оценка криптовалюты в качестве предмета преступного посягательства является неоднозначной³, а применение уголовного права невозможно в полной мере из-за отсутствия достаточного правового регулирования данной сферы.

Ю.Я. Власов,

начальник управления кадров
прокуратуры Московской области

О признании доказательств недопустимыми в досудебном производстве по уголовному делу

В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем со-

¹ Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратовского государственного университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 330–331.

² Коренная А.А. Указ. соч. С. 413.

³ Шарпов Р.Д., Минин Р.В., Капаева Е.О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 47.

поставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

При этом каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ).

В досудебном производстве с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд в случаях, перечисленных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым как по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, так и по собственной инициативе.

Предоставление участникам со стороны обвинения такого полномочия, несомненно, является оправданным средством для реализации базовых принципов уголовного судопроизводства, таких как законность при производстве по уголовному делу, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и т.д. Исключение «недоброкачественных» доказательств, т.е. полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, не только обеспечивает их изъятие из массива доказательств, но и создает для правоприменителя предпосылки для получения новых доказательств, теперь уже собранных с соблюдением требований закона.

Прокурорский надзор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства – одно из важных средств обеспечения допустимости доказательств, поэтому включение прокурора в число субъектов, наделенных правом исключать из уголовного дела полученные с нарушением закона доказательства, естественно необходимо.

Вместе с тем, на наш взгляд, институт исключения доказательств из уголовного дела (признания их недопустимыми) нуждается в дополнении его нормами, упорядочивающими проведение такой процедуры, а также усиливающими прокурорский надзор на данном этапе.

С учетом положений, приведенных в ч. 3 ст. 88 УПК РФ, дознаватель и следователь вправе признать доказательство недопу-

стимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. Каких-либо дополнительных процессуальных действий со стороны указанных субъектов на данном этапе законодатель не предусмотрел.

В отличие от других правовых институтов уголовно-процессуального закона, нормы которых наделяют дознавателя и следователя определенными «обременительными» задачами (например, принятие процессуального решения исключительно с согласия начальника органа (подразделения) дознания, прокурора либо руководителя следственного органа; обязательное направление копии принятого решения прокурору и др.), институт признания доказательств недопустимыми выполнение подобных обязательств на них не возлагает. Такая процессуальная самостоятельность на рассматриваемом этапе не совсем оправдана.

Практике известны случаи ошибочного исключения доказательств из уголовного дела следователями и дознавателями как вследствие юридической безграмотности, так и по причине простой невнимательности. Исключение следователями и дознавателями пригодных доказательств из числа допустимых не всегда может быть выявлено в рамках ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора, поскольку обязанность сообщить о таком процессуальном решении на следователя и дознавателя их руководителям и прокурору законом не возложена, порядок его проверки не предусмотрен.

Кроме того, в отличие от суда, которому ч. 7 ст. 235 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела по существу по ходатайству стороны предоставлено право повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым, аналогичное право следователя и дознавателя в уголовно-процессуальном законе также не регламентировано.

В связи с этим предлагаем внести в ст. 88 УПК РФ дополнения, уполномочивающие дознавателя и следователя признать доказательство недопустимым исключительно с согласия прокурора и руководителя следственного органа соответственно, а также обязывающие их после принятия такого процессуального решения направлять его копию прокурору.

Сложности в правоприменительной практике также вызывает отсутствие в уголовно-процессуальном законе правил, ис-

ходя из которых следует оценивать категорию допустимости уголовно-процессуальных доказательств. В частности, положения ст. 75 УПК РФ («Недопустимые доказательства») только в широком смысле определяют, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Статья 88 УПК РФ («Правила оценки доказательств») устанавливает, в каких случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, суду, прокурору, следователю и дознавателю признавать доказательство недопустимым. Иными словами, исходя из норм действующего законодательства, не представляется возможным однозначно и без двойного толкования определить ту степень существенности допущенных нарушений уголовно-процессуального закона, вследствие которых доказательство надлежит признавать недопустимым, либо охарактеризовать их как несущественные и не влекущие правовых последствий.

В связи с этим полагаем, что в гл. 10 УПК РФ («Доказательства в уголовном судопроизводстве») необходимо внести дополнения, содержащие правила оценки допустимости доказательств, определив на то следующие критерии:

1) получение доказательств надлежащим субъектом, уполномоченным проводить процессуальные действия по собиранию доказательств;

2) доказательства являются надлежащими источниками сведений, составляющих содержание доказательств;

3) доказательства должны быть получены в результате надлежащих процессуальных действий;

4) выполнен установленный порядок проведения процессуальных действий, используемых в качестве средств получения доказательств.

К.В. Ворышева,
студент 3 курса Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу о прокурорском надзоре за исполнением законов о противодействии коррупции

Коррупция является серьезной проблемой правового государства. Именно это явление представляет угрозу для нормального функционирования государства, защиты прав и законных интересов человека.

Тем не менее понятие коррупции до сих пор является неопределенным и в различных источниках раскрывается абсолютно по-разному. Всемирный банк считает, что коррупция – это злоупотребление государственной властью ради частной выгоды. Международная организация «Transparency International» полагает, что коррупция – это злоупотребление доверенной властью в частных интересах (ради личной выгоды). По мнению Европейского антикоррупционного агентства, коррупция представляет собой обмен услугами, нарушающий правила¹.

Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460, рассматривает коррупцию как угрозу безопасности Российской Федерации. Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией следует понимать злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя

¹ Карнов Н.Н. Участие прокуратуры России в реализации государственной политики противодействия коррупции // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. № 2. С. 34.

или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

В Российской Федерации борьбе с коррупцией уделяется большое внимание. Президент Российской Федерации 31 июля 2008 г. впервые утвердил Национальный план противодействия коррупции; приняты федеральные законы: от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; Указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» противодействие коррупции состоит из трех элементов: профилактики коррупции, борьбы с ней и минимизации (ликвидации) последствий коррупционных правонарушений. Огромная роль в реализации антикоррупционной деятельности отводится органам прокуратуры.

Участие прокуратуры в борьбе с коррупцией определено не только на уровне специализированных актов, но также и самим Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Именно в этом законе в ст. 1 указаны основные функции органов прокуратуры, с помощью которых прокурор и реализует государственную политику противодействия коррупции.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» отмечено, что надзор за исполнением законов о противодействии коррупции является приоритетным направлением деятельности.

Можно выделить следующие основные направления деятельности органов прокуратуры в этой сфере¹:

¹ *Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сб. метод. рекомендаций / под общ. ред. начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 3 класса А.Е. Русецкого. М., 2017. С. 3. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/met/sbornik.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).*

организация и осуществление надзора за исполнением законодательства при представлении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

организация и осуществление прокурорского надзора за исполнением законодательства о контроле за расходами должностных лиц;

организация и осуществление надзора за соблюдением государственными (муниципальными) служащими установленных запретов и ограничений;

организация проведения прокурорами антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;

деятельность по выявлению и пресечению административных правонарушений коррупционной направленности;

координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией;

организация и осуществление прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью при выявлении преступлений коррупционной направленности;

организация и осуществление прокурорского надзора за соблюдением требований законодательства, регламентирующего порядок учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях коррупционной направленности;

организация и осуществление прокурорского надзора за расследованием уголовных дел коррупционной направленности;

организация работы по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении судами уголовных дел коррупционной направленности.

Так, в 2019 г. органами прокуратуры выявлено более 200 тыс. преступлений коррупционной направленности, прокурорами принесено более 32 тыс. протестов, 72 тыс. лиц привлечено к административной ответственности и возбуждено 3 тыс. уголовных дел¹. В целом деятельность прокуратуры направлена на поддержание законности, защиту прав и законных интересов человека и гражданина, нормальное функционирование государства.

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2019 г. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1795898/> (дата обращения: 01.05.2020).

Тем не менее необходимо отметить, что число преступлений коррупционной направленности непрерывно растет. Так, по сравнению с 2018 г. количество таких преступлений в январе – сентябре 2019 г. увеличилось на 4%¹, что свидетельствует о том, что система прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции несовершенна и требует значительных перемен.

Как отмечают многие ученые-юристы, в первую очередь, надлежит на законодательном уровне четко определить полномочия прокурора в данной сфере надзора. И.Д. Жданов отмечает, что, «несмотря на факт наличия в арсенале органов прокуратуры достаточного арсенала полномочий по противодействию коррупции, говорить о том, что их потенциал реализован в полном объеме, пока не приходится»². Для того чтобы эффективно и успешно реализовать планы по противодействию коррупции, необходимо наделить прокурора дополнительными полномочиями в сфере борьбы с коррупцией.

Так, в настоящее время прокурор не может оперативно получить информацию о доходах и расходах должностных лиц, поскольку не обладает полномочиями на допуск к банковской тайне. Поэтому прокурору следует сотрудничать с иными органами для получения информации, что значительно затягивает время проверки и препятствует своевременному реагированию на факты о преступлениях коррупционной направленности.

Также имеются законодательные пробелы, связанные с проверкой исполнения должностными лицами запретов, ограничений и обязанностей в связи с государственной службой.

Имеются трудности с истребованием и получением необходимой информации. Прокурору для проверки соблюдения антикоррупционного законодательства надлежит исследовать сведения о выполнении государственными и муниципальными служащими предписанных запретов и ограничений. Но в данном случае надо истребовать информацию, находящуюся в личных делах

¹ Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2019 г. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/b51/sbornik_9_2019.pdf (дата обращения: 01.05.2020).

² Жданов И.Д. Актуальные проблемы участия прокуратуры в противодействии коррупционным правонарушениям // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). URL: <https://moluch.ru/archive/149/42117/> (дата обращения: 01.05.2020).

должностных лиц, следовательно, возникает необходимость обработки персональных данных. При этом ни один федеральный закон не наделяет прокурора полномочиями на обработку таких данных без письменного согласия проверяемого лица. Однако обязанность дачи согласия такими лицами отсутствует. Как в этом случае действовать прокурору? Ответа на законодательном уровне на этот вопрос нет.

Многие ученые-юристы отмечают, что еще одной проблемой при осуществлении надзора за исполнением законов по противодействию коррупции является отсутствие у прокурора права на возбуждение уголовного дела. Получается, что в данном случае почти все процессуальные решения по уголовному делу принимает руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель с учетом только своего субъективного мнения. При этом прокурор ограничен в средствах реагирования. Следует согласиться с мнением З.Ш. Гатауллина о том, что «отстранение прокурора от непосредственного принятия решения о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела может привести к возрастанию роли узковедомственных интересов в расследовании преступлений, росту коррупции в следственных органах, поскольку внешний (прокурорский) надзор за расследованием, достаточно эффективно играющий сдерживающую роль, в новых условиях может оказаться существенно ослабленным»¹.

Подводя итоги, необходимо отметить, что коррупция – пагубное явление, нарушающее права граждан, экономическую безопасность государства. К сожалению, уровень данных преступлений в России увеличивается с каждым годом. Тем не менее действующее антикоррупционное законодательство не в полной мере позволяет бороться с коррупцией, поэтому требует значительного реформирования.

¹ *Гатауллин З.Ш.* Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 225.

Л.А. Головизнина,
студент Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Криминологическая характеристика современного терроризма

На сегодняшний день терроризм представляет собой опасное социально-политическое явление, которое создает угрозу всему мировому сообществу. С каждым годом неумолимо растет число государств, которые так или иначе пострадали от злодеяний террористов, а формы и методы террористической деятельности постоянно трансформируются и видоизменяются, становясь опаснее и нанося все больший ущерб человеческим жизням и общественному порядку.

Общая борьба с терроризмом и международное сотрудничество в данной области способствуют объединению усилий государств, что выражается в заключении международных соглашений.

Борьба с терроризмом как с угрозой, нависшей над всем миром, способствует объединению усилий государств: проводятся различные конференции, касающиеся причин терроризма – их выявления и пресечения; заключаются мировые соглашения в области борьбы с этим явлением.

Причины терроризма обсуждаются на всех уровнях социума и власти. Однако до сих пор не найдено ни одного способа, который бы был по-настоящему эффективен в борьбе с терроризмом.

В Российской Федерации вопросы борьбы с терроризмом регламентируются Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В данном нормативном правовом акте терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Одна из эффективных мер борьбы с преступностью – тщательное изучение психологической характеристики личности террориста, его криминологического портрета. Однако в литера-

туре отмечается и такое мнение, что криминологический портрет преступника, в частности террориста, строится на огромном количестве положений, которые зачастую противоречат друг другу. Между тем можно определить причины совершения различных видов преступлений, в частности установить мотивы, цели совершения преступления, изучить особенности личности преступника. Мотивы самые разнообразные: начиная от корыстных и заканчивая религиозными. Такая информация в совокупности подвергается анализу, по результатам которого можно выявить ряд закономерностей, послуживших причиной совершения лицом преступления.

Примечателен тот факт, что для некоторых людей террорист представляется убийцей, воплощением смерти, который безжалостно отнимает жизни невинных людей, а для других – борцом за справедливость, идею и даже мучеником, который жертвует собой ради великой веры.

В Российской Федерации террористами преимущественно являются представители Северо-Кавказского региона. Также к террористам, действующим на территории Российской Федерации, относятся арабы, турки, палестинцы, ливанцы, иорданцы, алжирцы и представители Средней Азии¹.

Как показывают исследования, большинство террористов имеют низкий уровень образования, но среди идеологов и лидеров удельный вес составляют образованные интеллектуалы. У этих лиц присутствует высокий уровень мотивации и притязаний. Террорист – это личность, как правило, физически здоровая и психически вменяемая, но подверженная влиянию со стороны.

Согласно исследованиям у большинства террористов имелись тяжелые психологические травмы, которые они пытались решить путем совершения терактов.

Современный террорист – это социальный маргинал, испытывающий проблемы в общении с окружающими. Такие люди конфликтны, раздражительны, агрессивны, амбициозны. Похожей точки зрения придерживается С.А. Эфиров, который в своих работах подчеркивает, что «терроризм всегда был орудием слабых, орудием незначительного меньшинства, которое в фанати-

¹ Паненков А.А. Эволюция организованных преступных формирований в Северо-Кавказском регионе (на примере Чеченской Республики в 1999–2011 годы) // Юрист. 2012. № 3. С. 25.

ческой нетерпимости стремится любой ценой навязать свои концепции огромному большинству»¹.

Особое значение имеет мировосприятие такой личности, а именно образ врага с чуждой идеологией, другими традициями, иной верой, на борьбу с которым и направлена террористическая деятельность. Такие люди не терпят любое проявление инакомыслия. Они фанатичны, категоричны и убеждены в собственной правоте. Ради идеи, туманящей их сознание, они готовы принести себя в жертву.

Среди террористов преобладают лица мужского пола (79%), однако известны случаи участия женщин – «черных вдов» (30%) в террористических актах². Женщины ввиду повышенной эмоциональности, впечатлительности, восприимчивости и подверженности внешнему влиянию, в частности, родственников, знакомых, ставят на себя «черную метку». Зачастую они принимают такое решение из-за смерти мужа, брата, или же ими движет желание отомстить. Эти женщины отличаются большей целеустремленностью, поэтому они часто становятся террористами-смертниками. Например, теракт в театре на Дубровке в Москве, в котором приняло участие порядка 20 женщин-смертниц.

На сегодняшний день идет активное вовлечение детей и подростков в террористическую деятельность. Их вербовка может осуществляться как по Интернету, так и друзьями. Гораздо легче влиянию поддаются дети с низкой самооценкой, не уверенные в себе. Вербовщики, начиная общение с детьми, сразу нащупывают их слабые места. Широко известны обманы на религиозной почве, давление на «ложный патриотизм». В основном под удар попадают дети с тяжелой жизненной ситуацией: развод родителей, непонимание сверстников и другие. Девушкам обещают блестящее будущее, выгодное замужество, семью. Молодым людям – перспективы и материальное благополучие. И, поддавшись влиянию, дети и подростки делают шаг в неизвестность и воображаемый мир, вернуться из которого уже практически невозможно...

¹ Эфиров С.А., Наумов А.В. Чеченский кризис: испытание на государственность / С.А. Эфиров. М.: АСТ, 2007. С. 156.

² Станкевич А.М., Пушкин А.В. Особенности криминологического портрета личности современного террориста. Тула: Тул. гос. ун-тет, 2016. С. 185.

Приоритетная задача террористов при общении с детьми состоит в формировании отрицательного имиджа правоохранительной системы и государственного аппарата.

Согласно статистическим данным, средний возраст преступников-террористов гораздо ниже – 27,9 лет, чем в других категориях дел – 32,1 года.

Что касается вероисповедания, то большую часть террористов составляют лица, исповедующие ислам, в частности его радикальные течения. Нередко именно верой террористы пытаются оправдать свои действия. Но ни одна религия не призывает к циничным убийствам и жестокости по отношению к незащитным людям на благо своих экономических и политических интересов.

Среди террористов есть ранее судимые, осужденные за преступления насильственного и корыстного характера. Например, из пяти членов банды Якшиянца, захватившей в качестве заложников в декабре 1988 г. во Владикавказе группу школьников с учительницей, двое имели судимости, причем сам Якшиянц трижды отбывал наказание в виде лишения свободы, в том числе и за бандитизм, проведя в общей сложности около шестнадцати лет за решеткой¹.

Большинство террористов не имеют стабильного заработка, а также постоянного места работы. Зачастую употребляют наркотики и ведут асоциальный образ жизни.

На сегодняшний день данная тема приобретает особую важность в связи с активным развитием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так, лидирующее место по популярности и вовлеченности в нее молодежи занимает террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – ИГИЛ). Усугубляется проблема и тем, что деятельность ИГИЛ широко представлена в свободном доступе. Например, существует множество видеосюжетов, связанных с этой организацией: процесс подготовки атаки террористов-смертников, наставление командиров, обмундирование смертников и т.д.

Но самый страшный фрагмент – распространение видеозаписей казней простых людей, в том числе: журналистов, врачей. К этим сюжетам террористы подходят «творчески»: все фрагменты сняты на профессиональную технику, смонтированы и переведены на разные языки. Подобные видеофрагменты не только

¹ Назаркин М.В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

устрашают население, но и несут разрушительное влияние на детскую психику, открывая в детях такие качества, как жестокость, хладнокровие, безжалостность и др.

Необходимо немедленно решить данную проблему и не допустить ее дальнейшего развития, в частности чаще проводить круглые столы, саммиты, на которых будут затрагиваться эти вопросы не только в рамках теоретического аспекта, но и в дальнейшем будут предприняты конкретные меры по сокращению и минимизации терроризма.

Внутренняя политика всех государств в XXI в. должна быть направлена на поддержание семьи, в частности, родители должны воспитывать детей таким образом, чтобы у них формировалось толерантное отношение к представителям других наций и религий. Причем воспитательная работа должна вестись не только в семье, но и в образовательных учреждениях, сюда также должны быть включены и все заинтересованные министерства.

Таким образом, необходимо систематическое и подробное изучение личности террористов на постоянной основе для аккумуляирования сил в целях предотвращения новых террористических актов и недопущения новых смертей.

И.Н. Ефимовых,

аспирант Университета прокуратуры
Российской Федерации, заместитель
прокурора Опаринского района
прокуратуры Кировской области

Участие законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном следствии

Законный представитель несовершеннолетнего подсудимого является участником уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Основная цель его участия в исследовании доказательств заключается в содействии реализации процессуальных прав и обязанностей представляемого им лица. Кроме того, законный

представитель несовершеннолетнего подсудимого осуществляет функцию его защиты в судебном заседании.

УПК РФ предусматривает право законного представителя несовершеннолетнего подсудимого заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства и давать показания. Однако в законе отсутствуют положения, которые определяют порядок дачи законным представителем несовершеннолетнего показаний в ходе судебного заседания. В частности, отсутствует норма о допросе этого участника уголовного судопроизводства. Отсутствует в законе и такое доказательство, как показания законного представителя несовершеннолетнего подсудимого.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указал на возможность принятия судом решения о допросе законного представителя в качестве свидетеля с вынесением постановления (определения) и разъяснением ему прав, предусмотренных ч. 4 ст. 56 УПК РФ. При этом законные представители из числа близких родственников предупреждаются об уголовной ответственности только за дачу заведомо ложных показаний.

Таким образом, законный представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе дать показания лишь в качестве свидетеля.

Это говорит о том, что реализация законным представителем несовершеннолетнего подсудимого права давать показания в судебном заседании поставлена в зависимость от необходимости придания ему процессуального статуса свидетеля с присущими ему правами и ответственностью.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 22.01.2014 № 217-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саушкина Кирилла Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49, частью первой статьи 56, пунктом 1 части первой статьи 72, статьями 426 и 428 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал на то, что законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, пользуясь правом давать показания, не приобретает статуса свидетеля. В связи с этим следует согласиться с мнением Р.В. Мазюка о том,

что здесь имеется противоречие между позициями двух судебных инстанций¹.

Л.В. Столбина, А.В. Чурсин, А.А. Рытьков и И.В. Малыхин провели исследование в части допроса законного представителя несовершеннолетнего и установили, что из 115 изученных ими уголовных дел в 108 случаях законные представители были допрошены в качестве свидетеля. Из них только 15% допрашивались по характеристике личности представляемых ими лиц, а остальные были допрошены и об известных им обстоятельствах преступления, совершенного несовершеннолетним. В остальных семи случаях законные представители не допрашивались².

Из этого следует, что по уголовным делам законный представитель несовершеннолетнего либо вообще не допрашивается, либо допрашивается в качестве свидетеля. Допрос в качестве свидетеля предполагает необходимость давать правдивые показания, в том числе и изобличающие несовершеннолетнего подсудимого.

В научной литературе существуют две точки зрения относительно возможности допроса законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в качестве свидетеля.

Первая точка зрения сводится к тому, что такой допрос возможен. К примеру, И.С. Дикарев указывает, что «важной особенностью процессуального статуса законного представителя является возможность его допроса в качестве свидетеля»³.

Вторая точка зрения предполагает, что одно и то же лицо не может совмещать функции свидетеля и другого участника уголовного судопроизводства⁴.

Обе позиции являются в определенной степени обоснованными. Поскольку в законе отсутствуют положения, которые спе-

¹ Мазюк Р.В. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. Вып. 15. М.: ООО «Изд-во «Юрист», 2015.

² Столбина Л.В., Чурсин А.В., Рытьков А.А., Малыхин И.В. Может ли законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) быть субъектом свидетельского иммунитета? // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1. С. 83.

³ Дикарев И. Свидетельский иммунитет законных представителей несовершеннолетних // Уголовное право. 2009. № 1. С. 76.

⁴ См. напр.: Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002; Николаева Т.Г. Уголовно-процессуальное право: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

циально предусматривают допрос законного представителя несовершеннолетнего подсудимого, то единственно возможный способ получения от него показаний – это допрос в качестве свидетеля. В этом смысле авторы, которые придерживаются первой точки зрения, абсолютно правы, поскольку их рассуждения основаны на положениях действующего законодательства.

Однако если учесть при этом и вторую точку зрения, то можно сделать вывод о том, что наделение законного представителя несовершеннолетнего подсудимого процессуальным статусом свидетеля может в определенной степени воспрепятствовать ему полноценно осуществлять функцию защиты от обвинения.

Так, законный представитель несовершеннолетнего подсудимого предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Вместе с тем одним из направлений защиты подсудимого в судебном заседании является выдвижение различных версий, которые бы оправдывали его в инкриминируемом деянии. Законный представитель ограничен в своих показаниях, не может выдвигать различные версии произошедшего. Поскольку это может быть расценено как дача заведомо ложных показаний, то он не может полноценно выполнять функцию защиты несовершеннолетнего.

Складывается ситуация, когда законный представитель несовершеннолетнего подсудимого всегда может отказаться давать показания, поскольку это его право, а не обязанность. В то же время если он желает воспользоваться таким правом, то ему необходимо стать свидетелем, приобретая обязанность давать правдивые показания.

М.С. Строгович справедливо отмечал, что «нельзя быть одновременно защитником и свидетелем. Поэтому, если оказывается, что защитник знает что-либо существенное по делу независимо от выполнения им по этому делу функции защитника, он должен быть устранен от защиты и допрошен в качестве свидетеля»¹.

Законный представитель несовершеннолетнего подсудимого выполняет функцию его защиты наряду с адвокатом, с учетом указанных особенностей, поэтому положения уголовно-

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 398.

процессуального закона о допросе законного представителя несовершеннолетнего подсудимого должны быть схожи с положениями о возможности допроса адвоката в судебном заседании.

Так, п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ содержат положения, согласно которым адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого не подлежит допросу в качестве свидетеля в связи с оказанием юридической помощи. Единственным основанием, которое позволяет суду допросить адвоката в качестве свидетеля, является его ходатайство, а также согласие подсудимого на такой допрос.

Конституционный Суд Российской Федерации, выявив конституционно-правовой смысл данных положений, отметил, что возможность допроса адвоката при его согласии дать показания, а также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, позволяет соблюсти право на судебную защиту¹.

Такие основания для допроса адвоката должны также применяться и к правилам допроса законного представителя несовершеннолетнего подсудимого. То есть если законный представитель желает воспользоваться своим правом дать показания, то для этого необходимо не только его согласие, но и согласие представляемого им лица. При этом он не приобретает процессуального статуса свидетеля и дает показания по правилам, предусмотренным для допроса подсудимого.

Для предоставления законному представителю несовершеннолетнего подсудимого возможности полноценно реализовывать свое право давать показания в судебном заседании необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе такое доказательство, как показания законного представителя несовершеннолетнего, а также урегулировать процессуальный порядок допроса данного участника уголовного судопроизводства.

В связи с этим перечень доказательств, установленный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, необходимо дополнить таким доказательством, как показания законного представителя несовершеннолетнего

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

подозреваемого, обвиняемого, а также закрепить понятие данного вида доказательств.

На основании изложенного ст. 275 УПК РФ необходимо дополнить ч. 6 следующего содержания: «6. Допрос законного представителя несовершеннолетнего подсудимого проводится в порядке, предусмотренном частью первой – третьей настоящей статьи, с согласия подсудимого».

При таком порядке допроса законный представитель несовершеннолетнего подсудимого, полагаем, сможет реализовывать предоставленную ему функцию защиты от обвинения и представления интересов подсудимого.

Г.К. Жуков,
заместитель начальника уголовно-судебного отдела прокуратуры Новгородской области, соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Прокурорский надзор за следствием и роль прокурора в уголовном преследовании по российскому законодательству первой половины XIX в.

Длительное время в литературе господствовало мнение о том, что для прокуратуры Российской империи в первой половине XIX в. характерны стагнация и отсутствие глобальных перемен в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности прокурора¹. Однако привлечение новых источников и дальнейшая проработка законодательства Российской империи позволяют поставить указанный тезис под сомнение и разрабо-

¹ Такой позиции придерживался и дореволюционный исследователь Н.В. Муравьев, и современный автор – С.М. Казанцев. См.: *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. первый. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889; *Казанцев С.М.* История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 125.

тать более объективный подход к оценке роли прокурора и стряпчих в области уголовного преследования в дореформенный период до 1864 г.

В условиях реализации в России в начале XIX в. министерской реформы роль прокуратуры в системе уголовного правосудия в большей степени виделась верховной власти в охране законов, чем в должностном обвинении. Однако именно тогда происходит выделение надзора за следствием в отдельную сферу деятельности прокуратуры и значительное развитие полномочий прокурора и его помощников – стряпчих по осуществлению уголовного преследования. В связи с этим нельзя согласиться с суждением об ограниченности прокурорских полномочий только возбуждением преследования¹.

Систематизированное изложение полномочия прокурора в области уголовного преследования впервые получают в уголовно-процессуальных законах, консолидированных в Своде законов 1832 г. и последующих его редакциях 1842 и 1857 гг.², в основу которых легли как Уложение 1649 г., Воинские артикулы Петра I и Учреждение для управления губерний 1775 г., так и элементы немецкого инквизиционного процесса начала XIX в.³ Процессуальные нормы содержались в книге II тома XV Свода – Законы о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (далее – ЗоС), статьи которой получили отдельную нумерацию в редакции Свода законов 1857 г.⁴

Роль прокуроров и стряпчих в уголовном процессе определялась как «взыскатели наказания по преступлениям и вместе с тем защитники невинности» (ст. 165 ЗоС), предполагая, что они преследуют одновременно и правозащитную, и обвинительную цели. Функция уголовного преследования заключалась в обязан-

¹ Горячкова Ю.М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. С. 116.

² Свод законов Российской империи. Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1857–1868.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Т. 1. М.: Госюриздат, 1957. С. 734.

⁴ Свод законов Российской империи. Т. 15. Законы уголовные. Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1857.

ности чинов прокуратуры не допускать неполноты следствия и укрытия преступлений¹.

При отсутствии четкого разделения полномочий на надзорные и ненадзорные все они именовались «действиями по надзору». Осуществляя надзор за следствием, прокуратура выполняла и функцию уголовного преследования, поскольку ее надзорная деятельность была в той же мере подчинена задаче «взыскания наказания», как и возбуждение преследования.

Особенности возбуждения уголовного дела по инициативе прокурора регламентировались разд. IV ЗoS, где указывалось на обязанность прокуроров и стряпчих «обнаруживать доходящие до их сведения уголовные преступления, особенно безгласные, по коим нет истца» (ст. 61). В законе использовалась различная терминология для возбуждения дела в зависимости от инициатора: стряпчие предъявляли «уголовный иск», а прокурор – доношение губернскому правлению (ст. 63).

Прокуроры и стряпчие, осуществляя надзор за ходом следствия, уполномочивались требовать предоставления сведений по любому делу, доставления обвиняемого к месту расследования и заключения его под стражу, дополнения следствия на любой стадии (ст. 166–167 ЗoS). Стряпчие могли присутствовать при проведении следственных действий по возбужденным ими делам (ст. 169, 186 ЗoS).

Стряпчие полицейских дел, действовавшие в Санкт-Петербурге и Москве, являлись специализированными помощниками прокурора по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью. Каждый такой стряпчий надзирал за деятельностью определенного числа полицейских управлений в соответствии с установленным прокурором распределением². Им вменялось в обязанности осуществлять надзор за следствием, в том числе законностью ареста подозреваемого, в связи с чем в их компетенцию входило присутствие на следственных действиях, «ревизование»

¹ Шейфер С.А. Досудебное производство в России XIX века: от пристава следственных дел к судебному следователю // Актуал. проблемы современного уголовного процесса России: сб. науч. тр. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 2012. Вып. 6. С. 65.

² С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. Краткий исторический очерк. С.-Петербург. Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1903. С. 132.

дел частных приставов и квартальных надзирателей, опротестование незаконных решений полицейских чиновников и согласование составляемых ими актов о заключении под стражу. Данные документы утверждались товарищем Санкт-Петербургского губернского прокурора¹. Товарищ прокурора осуществлял надзор за процессуальной деятельностью управы благочиния и возбуждал «безгласные» дела о преступлениях, совершенных в столице. Уездные следственные стряпчие в Петербурге и Москве надзирали за следствием, производимым городскими полицейскими частями².

Согласно воспоминаниям В.П. Мещерского, – стряпчего полицейских дел, практическая реализация имевшихся у него полномочий сводилась к следующему: присутствовать при проведении осмотра места преступления, обыска, допроса и в случае нарушения закона следственным приставом заявлять протест; присутствовать при аресте и личном досмотре подозреваемого и оценивать законность применения меры пресечения³. Право стряпчего протестовать против ареста не являлось пустой формальностью и имело важное практическое значение и фактическую силу⁴.

Наиболее ярко роль прокурорских должностных лиц в сфере уголовного преследования проявлялась при непосредственном наделении их следственными полномочиями. Так, губернские стряпчие производили досудебное расследование по особо важным делам в составе следственной комиссии. По поручению губернского правления стряпчие расследовали «следственные дела» о должностных преступлениях.

Они наделялись полномочиями применять меры процессуального принуждения к лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, допрашивать обвиняемого, свидетелей, производить очные ставки и повальный обыск, получать показания сведущих людей, истребовать письменные доказательства, осматривать следы преступления.

¹ ПСЗ-2. Т. XXVIII. № 27796.

² ПСЗ-2. Т. VIII. № 6264.

³ Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. 1.

⁴ Там же. С. 76.

В Санкт-Петербурге и Москве с 1833 г. функционировали особые стряпчие, именовавшиеся следственными. Они специализировались на расследовании преступлений¹.

На практике стряпчие участвовали в расследовании должностных и государственных преступлений и иных, отличавшихся повышенной значимостью или сложностью, дел. Например, в следствии по делу об убийстве парижской модистки Л. Симон-Деманш в 1850 г. к расследованию был привлечен стряпчий следственных дел Троицкий²; в деле о взрыве в особняке купчихи Кобелевой в 1855 г. в Москве в расследовании участвовал стряпчий Дружинин³; дело о подозрительной смерти мещанки Клыкковой в Костроме в 1859 г. расследовал стряпчий Лебедев⁴. Витебский губернатор И.С. Жиркевич практиковал формирование комиссий с участием стряпчих для расследования убийств и подозрительных смертей⁵.

Таким образом, в досудебном производстве можно разделить участие прокуроров и стряпчих в уголовном преследовании на три формы: возбуждение уголовных дел; надзор за ходом и результатами следствия; расследование преступлений.

Изложенное позволяет не согласиться с мнением исследователей о стагнационном состоянии роли прокуроров и стряпчих в сфере уголовного преследования в преддверии судебной реформы 1864 г. Действительно, после екатерининских реформ в плане регламентации прокурорской деятельности, связанной с возбуждением преследования и надзором за следствием, мало что изменилось. Однако именно в первой половине XIX в. происходит фундаментальное изменение правового положения должностных лиц прокуратуры, заключающееся в наделении их полномочиями расследовать преступления. Одновременно усиливается проку-

¹ ПСЗ-2.Т. VIII. № 6264.

² *Отрошенко В.О.* Сухово-Кобылин: роман-расследование о судьбе и уголовном деле русского драматурга. М., 2014. С. 29.

³ *Абакумов О.Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017. URL: <https://e-libra.ru/read/474450-tret-e-otdelenie-na-strazhe-nravstvennosti-i-blagochiniya-zhandarmy-v-bor-be-so-vzyatkami-i-porokom-.html> (дата обращения: 05.11.2019).

⁴ Костромская старина: сб. Вып. 1–7 / Изд. Костром. учен. арх. комис. Кострома, 1890–1912. С. 8, 15–16.

⁵ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М.: Кучково поле, 2009. Часть XXXI.

рорский надзор за полицией в крупнейших городах страны, особенно за законностью ареста обвиняемых. Несмотря на кажущуюся узость применения этих положений, их значение для определения роли прокуратуры в сфере уголовного преследования и выявления закономерностей развития соответствующей ее функции весьма велико.

С.О. Кирсанова,
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу о криминализации акта международного терроризма

Терроризм стал одной из главных глобальных проблем современного общества, что послужило причиной внесения множества изменений и дополнений в УК РФ и иные нормативные акты. Поправки в УК РФ «были направлены на создание дополнительных механизмов противодействия террористическим и иным экстремистским проявлениям, что позволит повысить эффективность системы выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма и иных форм экстремизма»¹. Одной из этих поправок было дополнение УК РФ ст. 361 «Акт международного терроризма». Стоит отметить, что с момента введения данной нормы в УК РФ в 2016 г. и по сегодняшний день указанная статья ни разу не применялась на практике. Возникает вопрос: почему, ведь в последние годы просматривается тенденция роста количества совершаемых террористических актов как на территории России, так и за рубежом.

¹ Паспорт проекта федерального закона № 1039101-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

Ответом на данный вопрос послужит сравнительный анализ ст. 361 УК РФ с другими нормами, предусматривающими ответственность за преступления террористической направленности.

Смежной с ч. 1 и 3 ст. 361 УК РФ является ст. 205 УК РФ. Разграничивать данные составы нужно по объекту, субъективной и объективной стороне.

Если основным объектом террористического акта являются общественные отношения по обеспечению общественной безопасности на территории Российской Федерации, то у акта международного терроризма объект расширен до общественных отношений, обеспечивающих мирное сосуществование государств и народов либо направленных в том числе на защиту интересов Российской Федерации¹.

Объективные стороны данных составов преступлений во многом схожи, например, с такими способами совершения преступления, как взрыв или поджог, но имеется и ряд следующих различий.

Так, в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ при описании объективной стороны отсутствует признак устрашения населения, объектом защиты выступает не только жизнь, как в террористическом акте, но и здоровье, свобода или неприкосновенность граждан Российской Федерации. В ст. 205 УК РФ употреблен термин «человек», т.е. защита распространяется на гражданина любой страны, в ст. 361 УК РФ отсутствует указание на возможные тяжкие последствия или причинение значительного имущественного ущерба.

Различны у сравниваемых преступных деяний и цели: террористический акт осуществляется в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а цель акта международного терроризма состоит в нарушении мирного сосуществования государств и народов либо нарушении интересов России.

Как верно отмечает С.К. Бадамшин, в ст. 205 УК РФ названная цель распространяется и на угрозу совершения деяния, тогда

¹ Миняева Т.Ф., Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность в России и Германии // Евраз. адвокатура. 2017. № 2 (27). URL: http://www.eurasian-advocacy.ru/nomera/2_27_2017.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

как в ст. 361 УК РФ подобного указания нет, что является явным недостатком данной нормы¹.

Основным различием является место совершения преступления. Акт международного терроризма, в отличие от террористического акта, может быть совершен на территории другого государства или иной нейтральной территории².

Согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно не проживающие в Российской Федерации, несут ответственность по УК РФ, если совершенное ими в иной стране деяние, запрещенное данным уголовным законом, предусмотрено международным договором или (и) направлено против интересов России, российского гражданина или лица без гражданства, постоянно проживающего в нашем государстве. Получается, что и ст. 205 УК РФ может иметь экстерриториальное действие.

Часть 2 ст. 361 УК РФ и ст. 205¹ УК РФ предусматривают ответственность за финансирование, склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение либо вооружение или подготовка лица к совершению преступлений террористической направленности.

Как разграничить эти два состава? В 2017 г. из диспозиции ст. 205¹ УК РФ было исключено указание на ст. 361 УК РФ, поэтому для разграничения этих составов нужно, чтобы лицо точно знало, в какое преступление его вовлекают и на что пойдут отдаваемые террористам деньги.

Но возможна ли такая ситуация на практике? Знает ли спонсор, какой именно террористический акт он финансирует? Чаще всего нет, деньги идут на обеспечение всей деятельности террористической организации, которая может совершать акты терроризма на территории сразу нескольких государств. Также и лицо, вовлекаемое в террористическую организацию, только через не-

¹ Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 186–187.

² Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6. С. 42.

которое время привлекается к осуществлению конкретного преступления.

А.Г. Кибальник пишет, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 361 УК РФ, может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом, поэтому достаточно допущения преступником, что он содействует именно международному терроризму. По его мнению, возможна совокупность ч. 2 ст. 361 и соответствующей части ст. 205¹ УК РФ¹.

Данная точка зрения не совсем верна, поскольку тогда финансирование или иное вовлечение в деятельность любой международной террористической организации, имеющей ячейки сразу в нескольких странах, следует квалифицировать по совокупности указанных статей.

Судебная практика верно идет по пути применения только одной нормы – ст. 205¹ УК РФ. Так, действия Х.О.Н., который в г. Красноярске убеждал нескольких граждан вступить в террористическую группу «Вилаят Хорасан», являющуюся подразделением международной террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта», и участвовать в ее деятельности, были квалифицированы судом по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ².

Также стоит отметить и разницу в санкции двух анализируемых норм. Например, финансирование терроризма по ч. 4 ст. 205¹ УК РФ наказывается лишением свободы на срок от 15 до 20 лет, а по ч. 2 ст. 361 УК РФ – лишением свободы на срок от 8 до 20 лет, что говорит об отступлении от принципов справедливости наказания и системности уголовного законодательства.

Недостатком ст. 361 УК РФ, на наш взгляд, также является и то, что, в отличие от ст. 205 УК РФ, статья не содержит иные квалифицирующие признаки, за исключением акта международного терроризма, повлекшего причинение смерти человеку, а также не конкретизирует форму вины.

Согласимся с мнением С.К. Бадамшина, который полагает, что «выделение в структуре преступлений террористической направленности акта международного терроризма было недоста-

¹ Кибальник А.Г., Суворов В.А. Указ. соч. С. 40.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20.08.2019 № 208-АПУ19-6 // СПС «КонсультантПлюс».

точно продуманным шагом законодателя»¹. На наш взгляд, ст. 361 УК РФ в целом представляет собой излишний уголовно-правовой запрет, затрудняющий квалификацию преступлений террористической направленности и разрешение вопросов об экстерриториальном действии уголовного закона, а также не позволяющий дифференцировать уголовную ответственность за предусмотренные ею действия с учетом служебного положения виновного и других отягчающих обстоятельств, не предусмотренных в ст. 361 УК РФ, в отличие от корреспондирующих норм главы 24 УК РФ.

К.А. Комогорцева,
ведущий научный сотрудник НИИ
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Исключение недопустимых доказательств в предварительном слушании уголовного дела

Уголовно-процессуальный закон устанавливает возможность в предварительном слушании уголовного дела не только истребовать дополнительные доказательства или предметы, имеющие значение для уголовного дела (ч. 7 ст. 234 УПК РФ), но и исключить доказательства (ч. 5 ст. 234, ст. 235 УПК РФ). Как недопустимые могут быть исключены доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В ч. 2 ст. 75 УПК РФ установлен открытый перечень доказательств, относящихся к недопустимым. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, вклю-

¹ Бадамин С.К. Указ. соч. С. 12.

чая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде.

Показания подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу закрепляются в различных процессуальных документах: протоколе допроса, протоколе очной ставки, протоколе проверки показаний на месте, протоколе предъявления для опознания. Учитывая, что уголовно-процессуальный закон не содержит указания на конкретные документы, подлежащие признанию недопустимыми доказательствами в случае закрепления в них показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в отсутствие защитника, полагаем, что недопустимым доказательством может признаваться и исключаться из перечня доказательств любой процессуальный документ, в котором закреплены такие показания.

Ввиду регулярных изменений, которым подвергается в последние годы уголовно-процессуальный закон, представляется сложной задачей закрепить в кодексе все возможные ситуации, при которых доказательства считаются недопустимыми ввиду допущенных при их получении нарушений УПК РФ.

В предварительном слушании уголовного дела исключение доказательства допустимо по ходатайству сторон (ч. 1 ст. 235 УПК РФ). В случае, если стороной заявлено ходатайство об исключении доказательства, судья выясняет у другой стороны, имеются ли у нее возражения против данного ходатайства. При отсутствии возражений судья удовлетворяет ходатайство и выносит постановление о назначении судебного заседания, если отсутствуют иные основания для проведения предварительного слушания (ч. 5 ст. 234 УПК РФ).

Вместе с тем указание в решении суда только об удовлетворении ходатайства об исключении доказательства недостаточно. Если судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства и при этом назначает судебное заседание, то в постановлении указывается, какое доказательство исключается и какие материалы уголовного дела, обосновывающие исключение данного доказательства, не могут исследоваться и оглашаться в судебном заседании и использоваться в процессе доказывания (ч. 4 ст. 236 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что в силу требований ст. 75 УПК РФ о недопустимости исполь-

зования доказательств, полученных с нарушением закона, суд, установив такое нарушение, должен мотивировать свое решение о признании доказательства недопустимым и о его исключении из числа доказательств, указав, в чем именно выразилось нарушение закона¹.

Как видно из разъяснения высшей судебной инстанции Российской Федерации, недопустимость доказательства суд может выявить самостоятельно, без заявления об этом ходатайства одной или обеих сторон.

Некоторые ученые полагают, что предложения об исключении доказательств по уголовному делу на этапе предварительного слушания могут быть сформулированы и по личной инициативе суда, предлагая внести соответствующие изменения в УПК РФ².

Однако на предварительном слушании уголовного дела реализовать правомочие по исключению недопустимого доказательства суд может только по инициативе стороны. Такое положение урегулировано вполне закономерно, поскольку на предварительном слушании уголовного дела исследование доказательств по общим правилам не проводится. Изучая материалы уголовного дела при подготовке к судебному заседанию в порядке предварительного слушания, судья уже на этом этапе может выявить доказательства, полученные с нарушениями в ходе досудебного производства по уголовному делу. Однако правом представления доказательств для исследования в судебном следствии наделены стороны уголовного судопроизводства. В свою очередь, по итогам исследования доказательств в ходе судебного следствия при рассмотрении уголовного дела по существу суд как самостоятельно, так и по инициативе сторон вправе признать полученное с нарушением УПК РФ доказательство недопустимым. В то время как исключение доказательств как недопустимых на этапе предварительного слушания уголовного дела по инициативе суда, полагаем, было бы неправильным.

¹ См.: абз. 3 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре».

² Ковтун Н.Н. О спорных вопросах порядка проведения судьей предварительных слушаний по уголовным делам // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 3 (53). С. 95.

Конституционный Суд Российской Федерации в свое время признал не подлежащим применению как не соответствующее Конституции Российской Федерации положение о возложении на суд обязанности по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае признания доказательств, полученных органами дознания или предварительного следствия с нарушением уголовно-процессуального закона, не имеющими юридической силы, если такое признание влечет невосполнимую в судебном заседании неполноту расследования¹.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает ряд требований к ходатайству об исключении доказательств, заявленному в предварительном слушании уголовного дела. Так, ходатайство об исключении доказательства должно содержать указания на доказательство, об исключении которого ходатайствует сторона, а также основания для исключения доказательства, предусмотренные УПК РФ, и обстоятельства, обосновывающие ходатайство (ч. 2 ст. 235 УПК РФ). Таким образом, заявляя ходатайство об исключении доказательств, сторона должна его надлежащим образом мотивировать. Кроме того, копия такого ходатайства должна быть передана другой стороне в день представления ходатайства в суд.

О последствиях нарушения порядка заявления ходатайства об исключении доказательств Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что в случае, когда такое ходатайство стороны не отвечает требованиям ч. 2 ст. 235 УПК РФ, а иных оснований для назначения предварительного слушания не имеется, судья выносит постановление об отказе в его удовлетворении и назначает судебное заседание. При этом судья разъясняет заявителю положения ч. 3 ст. 271 УПК РФ о его праве в ходе судебного разбирательства вновь обратиться к суду с подобным ходатайством².

¹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 9-О «По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР».

² См.: абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству».

В ходе рассмотрения ходатайства об исключении доказательств судья вправе на основании ч. 3 ст. 235 УПК РФ допросить свидетеля и приобщить к материалам дела документ, указанный в ходатайстве. При этом в силу ч. 8 ст. 234 УПК РФ в качестве свидетелей могут быть допрошены только лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к делу документов, допустимость которых оспаривается. Если одна из сторон возражает против исключения доказательства, судья вправе огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле и (или) представленные сторонами.

Бремя доказывания при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства в предварительном слушании распределяется следующим образом: если ходатайство заявлено стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований УПК РФ, то прокурор должен опровергнуть представленные стороной защиты доводы, а в других случаях бремя доказывания лежит на стороне, которая заявила ходатайство. Указанное правовое регулирование представляется справедливым, поскольку прокурор в уголовном процессе осуществляет уголовное преследование, а значит, и несет ответственность за его законность.

Правовым последствием удовлетворения судом ходатайства об исключении доказательства является потеря им юридической силы. Такое доказательство не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и использоваться в ходе судебного разбирательства (ч. 5 ст. 235 УПК РФ). Однако с той оговоркой, что в ходе судебного следствия по уголовному делу стороной не было заявлено и удовлетворено судом ходатайство о признании доказательства допустимым.

Установленное в уголовно-процессуальном законе положение о возможности исключения доказательств в предварительном слушании уголовного дела, полагаем, является дополнительной гарантией обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и осуществления правосудия по уголовным делам.

С.В. Кондратюк,
аспирант Тольяттинского
государственного университета

Уголовно-правовые аспекты квалификации деяний соучастников преступного сообщества (преступной организации)

Несмотря на то что в современной науке уголовного права глубоко разработан институт соучастия при совершении преступлений участниками организованного преступного сообщества (преступной организации), отдельные категории указанного института все же создают значительные проблемы как с точки зрения их практического применения, так и с позиций теоретического осмысления феномена соучастия в целом.

В научной литературе долгое время продолжается дискуссия относительно оснований уголовно-правовой квалификации деяний соучастников организованного преступного сообщества (преступной организации). Ряд авторов предлагает признавать таким основанием состав преступления (В.Н. Кудрявцев, С.А. Тарарухин, П.Л. Фрис, В.И. Малыхин), другие – уголовно-правовую норму или уголовный закон (А.В. Наумов, И.П. Малахов, В.П. Малков). Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов такой категории, как основания уголовно-правовой квалификации, содержится в трудах названных исследователей, однако до сих пор актуален вопрос о том, что определять в качестве «отправной точки» в процессе уголовно-правовой квалификации деяний соучастников организованного преступного сообщества (преступной организации), точнее, что служит основанием для этого процесса.

В основу любого научного исследования вполне обоснованно ставится определение и анализ понятий в рамках проблематики. Традиционно в теории уголовного права выделяют фактическое и юридическое (нормативное) основание уголовно-правовой квалификации. Некоторые исследователи говорят также о предпосылках и основе указанного процесса.

Л.Д. Гаухман считает, что состав преступления является и основанием уголовной ответственности, и юридическим основанием, необходимым компонентом, предпосылкой квалификации любого преступления¹.

Р.А. Сабиров признает юридическим основанием уголовно-правовой квалификации статьи Общей и Особенной частей Уголовного кодекса. При этом автор выделяет основные и дополнительные нормативные основания уголовно-правовой квалификации. Фактическим основанием квалификации ученый предлагает считать информацию о совершенном деянии, которая стала известна соответствующим органам и получена ими в законном порядке².

Приведенные позиции ученых еще раз свидетельствуют о плюралистическом характере понимания исследуемой правовой категории.

В.Н. Кудрявцев в одной из своих фундаментальных работ, которая касается квалификации преступлений, в разделе «Состав преступления – юридическое основание квалификации» писал: «... состав преступления служит юридическим основанием привлечения лица к уголовной ответственности»³. В свете этой гипотезы рассмотрим, как соотносится основание уголовно-правовой квалификации с основанием уголовной ответственности. А.П. Козлов по этому вопросу пишет следующее: «Необходимо говорить о квалификации, когда речь идет об инкриминировании лицу того или иного преступления, и об ответственности при установлении уголовно-правовых последствий этого преступления, наличие признаков состава которого уже установлено в процессе квалификации»⁴. По времени процесс квалификации предшествует установлению уголовно-правовых последствий действий лица. Отсюда, если основанием уголовной ответственности служит наличие в действиях этого лица всех признаков состава

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 23.

² Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 37.

³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 59.

⁴ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 302.

преступления, очевидно, что в процессе квалификации такое «наличие» должно быть уже подтверждено.

В подтверждение таких рассуждений наиболее точно, на наш взгляд, утверждение Н.А. Мирошниченко: «Квалифицируя преступление, мы определяем ту статью Уголовного кодекса, в которой закреплен состав совершенного преступления». Таким образом, иллюстрируется процесс квалификации, в котором для определения наличия или отсутствия в действиях состава преступления для начала необходимо определиться с конкретной правовой нормой (правовыми нормами), которая может быть применена в процессе дальнейшего правоприменения.

Нельзя не отметить, что при имеющейся многоаспектности и большом количестве исследований, касающихся вопросов квалификации преступлений, значительный пласт понятий, свойств, механизмов недостаточно изучены, еще познаются, требуют постоянного научного контроля и доработки. Одна из таких проблем – проблема оснований уголовно-правовой квалификации преступных деяний соучастниками преступного сообщества (преступной организации).

Такой форме преступной деятельности, как соучастие в преступном сообществе (преступной организации), свойственна значительная сложность квалификации. А.П. Козлов по этому поводу утверждает: «Квалификация соучастия – основная проблема этого института, именно на ней замыкаются практически все вопросы соучастия»¹.

Спецификой квалификации деяний соучастников преступного сообщества (преступной организации) является то, что объективную сторону реализует исполнитель (соисполнитель), другие же соучастники (организатор (лидер) преступного сообщества (преступной организации), подстрекатель, пособник) не являются исполнителями преступления, а выступают как его участники. Существует очевидная недостаточность сведений об объективной стороне преступления, которая нередко лишает возможности дать уголовно-правовую оценку совершенного деяния. Поэтому согласиться с мнением ученых о том, что единственным основанием для вывода о факте совершения преступления, а сле-

¹ Козлов А.П. Указ. соч. С. 300.

довательно, и определения начала процесса квалификации является наличие в деянии состава преступления, невозможно.

При решении вопроса о наличии преступления проводится сопоставление элементов установленного реального акта поведения отдельного соучастника (организатора (лидера) преступного сообщества (преступной организации), подстрекателя, пособника) с составом преступления¹. Соответственно, если сопоставить действия пособника, который «стоял настороже» во время совершения убийства соучастниками преступного сообщества (преступной организации), пусть и при условии, что такие действия охватывались единым преступным умыслом соответствующего сообщества (организации), в таких деяниях сложно предсказать основные объективные признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сталкиваемся с ситуацией, в которой имеет место дефицит элементов состава преступления, а именно отсутствуют признаки, характеризующие объективную сторону. Получается, что основание для квалификации деяний этого лица отсутствует. В этом контексте очевидны существующие сложности в вопросах оснований квалификации действий организатора (лидера) преступного сообщества (преступной организации), подстрекателя, пособника.

Так, А. Пушкин считает, что данное обстоятельство несколько не отменяет положение о том, что совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, является единственным основанием уголовной ответственности соучастников. «Дело в том, – объясняет автор, – что состав преступления komponуется не только из признаков, содержащихся в нормах Особенной части УК РФ. Конструкция состава включает и признаки, зафиксированные в нормах Общей части. В силу этого становится очевидным, что для соучастника, который не является исполнителем, основанием ответственности следует считать совершение деяния, содержащего как признаки состава преступления, в котором он участвовал, так и признаки, вытекающие из соответствующей части нормы Общей части, где дано законодательное описание его функцио-

¹ Плотников А.И. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. Оренбург: Изд-во ОИ МГЮА, 2001. С. 19.

нальной роли»¹. Такие мысли не лишены логики и заслуживают внимания. Однако, поскольку на сегодня закон не содержит дефиниции о составе преступления, то воспринимать эти утверждения можно как не более чем рекомендации. Поэтому в высказываниях о едином юридическом основании квалификации (составе преступления), совершенного организатором (лидером) преступного сообщества (преступной организации), пособниками, подстрекателями деяния, нельзя быть настолько категоричным.

Результаты анализа позволяют сделать отдельные выводы, представляющие на сегодняшний день определенный интерес. Определение основания уголовной ответственности – это не очередной спор о терминах, а важная часть научной разработки категориального аппарата, которая имеет как материальное, так и процессуальное значение и играет одну из основных ролей в процессе уголовно-правовой квалификации деяний соучастников преступного сообщества (преступной организации).

Д.В. Кочева,
аспирант Университета прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу о полномочиях прокурора по привлечению специалистов

Прокуроры проверяют исполнение законов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в различных сферах общественной жизни. Объем такой деятельности поистине колоссален, поскольку включает в себя изучение непрерывно меняющегося законодательства, а в зависимости от обстоятельств также регламентировавшего определенные правоотношения на момент их возникновения; исследование особенностей функционирования и деятельности «поднадзорных» прокуратуре органов; анализ разного рода документации (градостроительной, земельной, медицинской, финансовой, технической и иной), схем, планов, изоб-

¹ Пушкин А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. 2001. № 3. С. 28.

ражений, чертежей, аудио- и видеозаписей и проч. Этой деятельности сопутствуют правовая оценка прокурором юридически значимых обстоятельств, количественных данных и показателей, иной информации, содержащейся на перечисленных носителях, а также квалификация действий (решений) юридических и должностных лиц.

Содержание соответствующих сведений вне зависимости от их носителей порой может иметь к юриспруденции лишь опосредованное отношение, но вместе с тем подтверждать или опровергать факты, имеющие большое значение для надзорной деятельности прокурора. Речь идет, например, о терминах, характеризующих необщизвестные явления; средствах, способах контроля и измерений (их единицах); формулах и методиках расчетов; технических характеристиках, а также множестве других спецификаций, используемых и применяемых людьми разнообразных профессий в различных сферах общественной жизни.

В связи с тем, что к образованию лиц, назначаемых на должности прокуроров, ст. 40¹ Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – закон о прокуратуре) предъявляются требования о наличии высшего образования по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», по долгу службы «узконаправленными» специалистами, квалифицированно разбирающимися в любых вопросах (финансовых, инженерных, технических и других подобных), они не являются.

Учитывая изложенное, нередко прокурорам при осуществлении надзорной деятельности для верификации имеющейся информации и определения круга задач, подлежащих разрешению в конкретной ситуации, требуется помощь лиц, обладающих специальными знаниями (познаниями), как правило, выходящими за пределы области юриспруденции.

Воспользоваться такой помощью прокуроры вправе в силу норм ст. 22 (абз. 3 п. 1), 27 (абз. 5 п. 1) закона о прокуратуре, непосредственно посвященных их надзорным полномочиям, в круг которых входит право требовать от руководителей и других должностных лиц поднадзорных прокуратуре органов выделение специалистов для выяснения возникших вопросов.

Связанное с этим полномочием право прокурора на привлечение к участию в проведении проверки представителей иных государственных органов в целях осуществления ими экспертно-аналитических функций закреплено в п. 13 ст. 21 закона о прокуратуре, характеризующей предмет надзора за исполнением законов, что, как справедливо отметил А.Ю. Винокуров, представляется нелогичным¹. Однако этой нормой в 2017 г. легитимирована нарабатывавшаяся годами практика участия специалистов в прокурорских проверках.

Также на случай возникновения у прокурора в ходе проверки исполнения законов соответствующей необходимости законом (абз. 2 п. 6, абз. 3 п. 10 ст. 21) предусмотрена возможность проведения исследований, испытаний и специальных экспертиз.

Принимая во внимание классическую структуру органов прокуратуры, квалификационные требования к прокурорам, отсутствие в их арсенале полномочий по самостоятельному проведению исследований, испытаний и специальных экспертиз, смеем предположить, что с наибольшей долей вероятности они должны проводиться специалистами и (или) экспертами.

Наконец, за неисполнение законного требования прокурора о выделении ему специалиста предусмотрена административная ответственность (п. 3 ст. 6 закона о прокуратуре, ст. 17.7 КоАП РФ).

Другие нормы или отдельные акты, детализирующие статус, права, обязанности, полномочия специалиста, требования к участию в надзорной деятельности прокурора, порядок привлечения специалиста к прокурорской проверке, отсутствуют.

Между тем в российском праве носителями специальных знаний, отождествляемых законодателем со специальными познаниями, являются эксперты и специалисты, делающие на основе этих знаний выводы по поставленным перед ними вопросам. Важно, что в судебной, прокурорской, правозащитной и правоохранительной деятельности такие выводы имеют повышенное доказательственное значение.

Согласие, например, прокуроров с выводами специалистов — явление куда более распространенное, чем несогласие. Основы-

¹См.: Винокуров А.Ю. Привлечение прокурором специалиста при проведении проверки исполнения закона: история вопроса // Администрат. и муницип. право. 2017. № 9. С. 51–52.

вая свою правовую позицию на мнении специалистов, прокуроры предъявляют к уполномоченным лицам в судебном и внесудебном порядке в большинстве своем требования о совершении определенных действий и о привлечении правонарушителей к установленной законом ответственности.

В качестве специалистов для выяснения интересующих прокуроров вопросов выступают должностные лица как государственных, так и муниципальных органов власти. Причиной тому служит их контрольно-надзорная деятельность, а также внутренняя структура, как правило, подразумевающая деление на так называемые профильные отделы и управления либо на подведомственные организации (комитеты), занимающиеся земельными, градостроительными, финансовыми и иными вопросами местного значения.

К уровню образования лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы, их направлению подготовки и стажу работы по специальности или службы нормативными правовыми актами предъявляются определенные квалификационные требования.

Исходя из изложенного, должностные лица государственных и муниципальных органов власти в зависимости от их практической деятельности рассматриваются прокурорами в качестве специалистов в различного рода сферах, будь то архитектура, бухгалтерский учет, анализ и аудит и т.п. Таковы ли они с правовой точки зрения, вопрос дискуссионный.

Как правило, прокуроры, требуя от уполномоченного лица выделить специалистов, не осведомляются о квалификации (например, об уровне образования, о направлении подготовки) последних, не удостоверяют данный факт копиями подтверждающих документов, не углубляются в вопросы соблюдения требований¹ о проверке средств измерений специалистов.

Несоблюдение таких формальностей может иметь серьезные правовые последствия, поскольку способно поставить под сомнение обоснованность оценки прокурором выводов специалиста, например, в ходе судебных тяжб.

¹ Об обеспечении единства измерений: Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ (п. 16 ч. 3 ст. 1, ст. 13) // СПС «КонсультантПлюс».

Между тем правовую основу государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации составляют одноименный Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ, КоАП РФ, ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ и УПК РФ, а разъяснения по вопросам судебной практики в рассматриваемой сфере содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (неотмененных постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации).

Однако специалисты и эксперты ведут обширную работу и вне судебной сферы, включая участие первых в прокурорских проверках.

Отдельными нормами федеральных законов, подзаконными актами урегулировано правовое положение экспертов, особенности и порядок проведения ими в рамках установленной компетенции различных видов экспертиз (в числе которых таможенная, санитарно-эпидемиологическая, экспертизы промышленной безопасности; товаров, работ, услуг и проектной документации; результатов инженерных изысканий, инвестиционных проектов, качества медицинской помощи и проч.).

Задачами экспертов в любых отраслях российского права являются проведение экспертизы и дача на ее основе заключения. Исходя из данного вывода изложено предположение о том, что предусмотренные ст. 21 закона о прокуратуре специальные экспертизы могут проводиться, например, экспертами. В то же время взаимодействие прокуроров с последними при осуществлении «общего надзора» законом о прокуратуре не урегулировано. По причине отсутствия в нем же определения понятия «специалист» возникает вопрос, является ли данное понятие собирательным и подразумевает ли оно под собой в том числе такого специалиста своего дела, как эксперт. Хотя, следуя аналогии закона (разделяющей деятельность специалиста и эксперта), скорее всего, не включает. В таком случае можно лишь предполагать, кем должны и могут проводиться специальные экспертизы. Конкретизация рассматриваемого полномочия прокурора лишней бы не была.

В целом статусу и деятельности специалиста в российском праве уделено гораздо меньшее внимание, чем эксперта, не считая разве что сферу уголовной юстиции.

Согласно процессуальному законодательству специалист вызывается, назначается или привлекается уполномоченным на то лицом, когда возникает необходимость использования специальных знаний (познаний) и (или) навыков при осмотре, исследовании, обнаружении, закреплении, изъятии доказательств, применении технических средств для этого, дачи пояснений, консультаций и оказания иной помощи при исследовании доказательств и совершении процессуальных действий. При этом законодателем к специалисту предъявляются требования о наличии специальных знаний (познаний) и (или) навыков в конкретной сфере, достижении совершеннолетия, а также об отсутствии заинтересованности в исходе дела (судебного разбирательства, дела об административном правонарушении).

Тем не менее аналогичные императивы к специалистам, выделяемым по требованиям прокуроров, законодательством не предъявляются.

Любопытно, что за время существования новой России, в условиях очевидной недостаточности правового регулирования, не способствующей формированию единообразной правоприменительной практики, прокурорами вот уже третье десятилетие реализуется полномочие по выделению специалистов для выяснения возникших вопросов.

В связи с этим к научной полемике призываются заинтересованные исследователи, на суд которых в интересах совершенствования рассмотренных правоотношений выносятся обсуждение целесообразности законодательной регламентации перечисленных в настоящей статье аспектов, в том числе официального закрепления востребованных на практике подходов, а также:

обязанности и порядка (формы) уведомления прокурором специалиста о сфере надзорной деятельности, в которой у первого возникли вопросы (при проведении проверки – о ее предмете);

обязанности прокурора формулировать конкретные вопросы специалисту в определенной форме (одновременно предусматривая возможность возникновения у прокурора дополнительных вопросов в процессе совместной деятельности со специалистом и их фиксацию);

минимальных и предельных сроков, в течение которых специалист должен приступить к взаимодействию с прокурором

(по аналогии со сроками предоставления прокурору истребуемых им сведений, ведь у адресатов таких требований, в том числе о выделении специалистов, достаточно своей работы);

содержание и форму документа, подготавливаемого специалистом по результатам взаимодействия с прокурором, срок и способ его направления в прокуратуру.

На основании изложенного вопросы правового статуса, порядка и условий деятельности лиц, своими выводами ориентирующих прокуроров на наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих юридическое значение для подтверждения или опровержения поступившей в прокуратуру информации о фактах нарушения законов, представляются нам заслуживающими внимания, обсуждения и дальнейших научных разработок.

А.А. Кузнецов,

следователь по особо важным делам
Главного следственного управления
Следственного комитета
Российской Федерации

Понятие, признаки и формы насильственного захвата власти

Насильственный захват власти – одна из форм проявления такого многоаспектного и сложного феномена, как насилие, значение которого в различных отраслях наук раскрывается по-разному. В универсальном Оксфордском словаре «насилие» определяется как «использование физической силы для нанесения телесных повреждений или разрушения...»¹.

По мнению отечественного исследователя А.А. Гусейнова, насилие представляет собой такие отношения между людьми, когда одни индивиды или группы людей путем физического принуждения, вплоть до угрозы убийством и убийства, навязывают

¹ Oxford Universal English Dictionary / Prepared by W Little et al. Oxford: Oxford University Press, 1937. Vol. X. P. 361.

свою волю другим¹. Еще в одном варианте толкования насилие предстает как «любая сила, примененная к индивиду или к группе, вынуждающая их соглашаться и действовать вопреки собственной воле»².

В уголовном праве термин «насилие» имеет специфическое (узкосмысловое) толкование, обусловленное значениями терминологических форм, используемых в основном для описания насильственных преступлений в уголовном законе. Для описания феномена насилия в разных статьях уголовного закона законодатель использует разную терминологию. В большинстве норм УК РФ насильственные действия закрепляются посредством использования в легальном обозначении деяния термина «насилие» или прилагательного «насильственный». При этом в тексте некоторых статей законодатель выделяет насилие, «опасное для жизни или здоровья», и «не опасное для жизни или здоровья» насилие. Кроме того, насильственные посягательства и способы их совершения обозначаются и иными терминами³. В описании одних составов преступлений законодатель подразумевает под ним только физическое насилие, а в других случаях говорит о насилии в смысле психического воздействия на потерпевшего, упоминая не только непосредственно насилие, так и угрозу его применения.

Как справедливо отмечает Л.Л. Кругликов, основным недостатком имеющихся формулировок насилия в УК РФ выступает их односторонность⁴. В универсальном значении оно (насилие) в уголовно-правовой науке определяется во-первых, как индивидуальное насилие, т.е. насилие, применяемое в отношении именно человека (группы лиц), во-вторых, как физическое или психическое насилие в отношении них. Это, на наш взгляд, ключевая концептуальная недоработка, которая не учитывает возможность оценки насилия, применяемого в отношении не только физических, но и юридических лиц, общества (населения страны), а также государства.

¹ Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // *Вопр. философии.* № 4. 2004. С. 95; *Его же.* Понятия насилия и ненасиления // *Вопр. философии.* 1994. № 6.

² Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 290.

³ Воронин В.Н. Уголовная ответственность за похищение человека // *Вестн. Омск. юрид. акад.* 2017. № 3. С. 68; Шаранов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // *Уголовное право.* 2015. № 1. С. 117.

⁴ Кругликов Л.Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // *Уголовное право.* 2015. № 1. С. 73.

Для устранения данного недостатка при изучении сущности насилия нужно, прежде всего, учитывать, что выступает в качестве объекта насилия, поскольку именно природа и вид объекта насилия определяют многие его черты и характеристики, в том числе и характер применяемого насилия, и его средства и способы и т.д., в каждом конкретном случае. Так, если объектом насилия выступает физическое лицо, то насилие в отношении него может быть либо физическим, либо психическим¹. Если же это юридическое лицо, то насилие в отношении него уже может выразиться как в виде физического или психического насильственного воздействия на руководителей (руководство) организации, так и в иных вариантах применения силы (например, ограничения присутствия на рынке организации или проведения в отношении нее проверок с целью принуждения к совершению сделки).

Если же это население, нация, то насилие в отношении него, помимо указанных видов, возможно и в форме установления непосильных, «грабительских» налогов и податей, повинностей, насаждения радикальных религиозных обычаев и т.д. характерно для местностей, пораженных паутиной террористических религиозных движений «Талибан», «ИГИЛ».

Государство – еще более сложный по сущности и по содержанию составу объект насилия. В отношении него насильственное воздействие может быть еще более многообразным (разноформатным). Насилие в отношении него может выражаться в любом посягательстве: на внутренний и внешний суверенитет, политические институты, конституционный строй, на государственные границы, на экономическую безопасность, оно может быть выражено в вооруженном нападении, во введении различного рода политических и экономических санкций в отношении него или его граждан².

¹ Кругликов Л.Л. Указ. соч. С. 73; *Насильственная преступность* / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997. С. 48. Безручко К.В. К вопросу о понятии насилия // Юрист-Правоведь. 2007. № 2. С. 54–55.

² Savicheva E.M. Conflicts in the xxi century. interview with professor Johan Galtung (Norway) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 564; Капицын В.М. Миропорядок и регулирование насилия: политико-правовой дискурс // Вестн. Акад. гос. управления при Президенте Кыргызской Республики. 2017. Т. 23. С. 43.

Что касается сути насилия, то она едина вне зависимости от формы насильственного воздействия на объект и представляет собой действие либо совокупность действий или мер, выражающихся в применении силы: вооруженной, физической, психической, политической, экономической и иного вида к объекту насилия. Причем по характеру это может быть не любое применение силы и применение не любой силы. Это должно быть такое волевое воздействие, которое способно обеспечить преодоление (преломление) воли субъекта, в отношении которого она применяется.

В другом виде силовое воздействие на объект может состоять в причинении ему физического, морального, репутационного, материального или иного ущерба как способа обеспечения принуждения его к выполнению определенных действий или отказу (воздержанию) от их совершения. Суть самого преодоления воли при применении насилия может заключаться в установлении подневольного положения (зависимости) субъекта, в отношении которого применяется насилие, установлении доминирующего положения, принуждении его к совершению определенных действий либо отказу от их совершения (воздержание от них)¹.

Одним из ключевых конститутивных признаков насилия выступает его способность причинять существенный вред интересам личности, общества и государства. Это не всегда материально выраженный ущерб, хотя насилие, как правило, сопряжено с причинением смерти или вреда здоровью человека различной степени тяжести, уничтожением и повреждением имущества, наступлением иных тяжких последствий². Тем не менее даже сам факт преломления какой бы то ни было воли всегда подразумевает разрушительное воздействие на целостность интересов жертвы, того лица или тех лиц, чья воля, а значит, и чьи идеи и ценности были повержены, разрушены.

Наконец, насилие как уголовно-правовой феномен всегда отличается противоправностью. Этому признаку в литературе совершенно заслужено уделяется особое внимание, поскольку он не только вскрывает сущностную сторону рассматриваемого нега-

¹ Шмыгина О.В. Особенности толкования понятия «насилие» // Вестн. Сибир. ун-та потребительской кооперации. 2016. № 3–4 (18). С. 105.

² Крылов Н.Г. К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2016. № 5 (112). С. 132.

тивного явления, но и позволяет провести отграничение насилия от принуждения и других видов правомерного применения силы. Как справедливо высказался еще В.С. Соловьев, «не каждое использование силы есть насилие. Если насилие отвергается правосознанием и никак не соотносится с естественным правом, то заставление отражается в правосознании позитивно как объективная необходимость»¹.

Наряду с этим насилие почти всегда рассматривалось в доктрине права еще и как антипод категории «справедливость». Именно ее, кстати, некоторые авторы считают оптимальным критерием оценки и сравнения насилия и иных смежных категорий, предлагая определять его как «несправедливое принуждение»². В этом плане нельзя не согласиться с В.С. Нерсесянцем, который красноречиво и убедительно отмечает, что «справедливость – категория и характеристика правовая... Более того, только право и справедливо»³.

Обобщая основные доктринальные положения о насилии в уголовном праве, попробуем выделить главные его признаки:

1) неправомерное (нелегитимное), противоправное, т.е. запрещенное или не предусмотренное законом, осуществляемое вне рамок закона;

2) применение силы, т.е. насильственного физического, психического и иного воздействия;

3) направленное на личность, общество, государство (иной объект насилия);

4) направленное на преодоление (подавление) и подчинение воли объекта, в отношении которого оно применяется, или причинение ущерба его жизненно важным интересам с целью преодоления (подавления) и подчинения его воли (предполагает установление доминирующего со стороны субъекта насилия и подневольного в отношении объекта насилия положения (зависимости) и подразумевает принуждение субъекта, в отношении которого применяется насилие, к совершению определенных

¹ Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М., 1988. С. 455.

² Зарицкий А.В. Современная теория правового государства: место и роль политического принуждения // Следователь. 2003. № 8. С. 57.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2011. С. 28.

(подкрепленных волей субъекта, применяющего насилие) действий или отказу от их совершения (воздержание от них).

Опираясь на выделенные признаки, под насилием в уголовном праве в обобщенном его виде следует понимать неправомерное (нелегитимное) применение силы, направленной на преодоление (подавление) и подчинение воли субъекта, в отношении которого она применяется, или причинение ущерба его жизненно важным интересам против его воли.

Насилие в отношении государства имеет ряд специфических особенностей, которые в полной мере проявляются и при попытке насильственного захвата власти. Первое, на что здесь необходимо обратить внимание, это объект применения насилия и его структуру. Насилие в отношении государства предполагает воздействие на такие его элементы («органы» и «ткани»), которые обеспечивают существование, жизнедеятельность, безопасность и независимость любой страны, а именно: население, конституционный строй, суверенитет, территория, аппарат управления и принуждения, экономика и ресурсы¹.

Отсюда применение насилия в отношении государства может быть выражено не в любых действиях, а в таких, как: нарушение основ конституционного строя; посягательство на внутренний или внешний суверенитет; нарушение его территориальной целостности, государственной границы, насильственное изменение границ государства, захват его территории; насилие в отношении представителей власти (государства); введение экономической, политической и иной блокады (санкций), разрушение инфраструктуры, транспортных артерий и иных путей сообщения страны, ее коммуникационных сетей; насилие в отношении населения страны (геноцид).

Принимая во внимание масштабы объекта насилия в данном случае, необходимо учитывать, что воздействие на указанные жизненно важные интересы государства также должно быть существенным, соответствующим численности его населения, объему ресурсов и территории, мощи государственного аппарата. Только в таком случае уровень насилия можно будет признать

¹ Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. С. 64.

достаточным для оказания воздействия на волю государства, на способность ее преломления (подавления).

Из данного свойства вытекает другая отличительная черта рассматриваемого вида насилия (насилия в отношении государства). Такой уровень и потенциал насильственного воздействия могут быть реализованы только посредством применения коллективных усилий. Поскольку «сила» должна быть способной обеспечить преодоление воли, то применительно к данному случаю сломить действующие в государстве политические институты, принудить их к внешней воле может только организованное коллективное силовое воздействие значительного количества людей (организаций, государств и т.д.)¹.

Говоря о насильственном захвате государственной власти, необходимо учитывать также следующее. Эта форма насилия в отношении государства отличается от насилия в отношении индивида или группы индивидов тем, что здесь речь идет о преодолении воли не просто отдельно взятого человека или группы людей, а воли всего проживающего в нем народа (преломление, преодоление, подавление воли народа). Такой вывод вытекает из того, что этот вид насилия, как правило, проявляется в воздействии на сформированные в установленном законом порядке (на основе выборов) политические институты и прежде всего государственные органы.

В то же время, согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, т.е. де-юре именно ему принадлежит власть в государстве. При этом воля народа России «уложена» в законодательно установленный правовой порядок в стране и закреплена в положениях Конституции и законах Российской Федерации². Данный порядок в том числе охватывает и основы конституционного строя в стране, и систему организации государственной власти и порядок ее осуществления и т.д. Названные положения выступают

¹ *Аганов П.В.* Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 10.

² *Гончаров И.В.* Особенности функционирования механизма государственной власти современной России: традиции и зарубежный опыт // *Lex russica.* 2018. № 11. С. 146–147.

выражением легальности (законодательной определенности) и легитимности (признания законной) действующей в стране системы организации государственной власти и государственного управления.

Отсюда следует, что, по сути, любое завладение властью вопреки воле народа, любой незаконный приход кого-либо к государственной власти (вне установленного порядка передачи властных полномочий) будет насильственным по своему характеру. Ведь в данном случае нарушение закона (легитимности прихода к власти) означает преодоление (подавление) воли народа.

Таким образом, с учетом сформулированного нами ранее определения захвата власти как социально-правового феномена под насильственным захватом власти следует понимать любой нелегитимный (противозаконный) переход государственно-властных полномочий (высших органов государства), обеспечивающих полноту реализации государственной власти на территории страны или отдельно взятого региона (административно-территориальной единицы) либо установление фактического контроля над определенной территорией, проживающим в ее пределах населением и ресурсами путем создания альтернативных действующей системе государственных органов политических институтов, имеющих собственный аппарат управления и принуждения.

Насильственный захват власти, как показывает история различных государств, возможен посредством использования разных методов.

Во-первых, это так называемый метод политического насилия, который предполагает использование специальных политических технологий полуправового (с приданием как бы правомерного вида) прихода к власти группы людей, составляющих самостоятельную политическую силу, и не связан с массовым применением вооружения и техники для подавления оппозиции. Особенностью такой разновидности насильственного захвата власти выступает внешне «демократический» характер смены власти («перемен»), не предполагающий масштабных военных действий.

В таком ключе наиболее распространенным способом захвата власти в настоящее время является формат цветных революций. Использование этой технологии предполагает формирование

с привлечением серьезных финансовых и иных ресурсов политической оппозиции, с целенаправленной дестабилизацией и радикализацией общественных отношений, которая в определенный момент при мощной информационной поддержке организует массовые выступления граждан и, опираясь на них, захватывает ключевые политические посты с последующим переподчинением им системы органов верховной законодательной, исполнительной и судебной власти и объявляет о законности свершившихся преобразований (как это было, например, на Украине)¹.

Имеется и другой путь насильственного завладения государственной властью, который не совсем укладывается в понятие государственного переворота. Помимо фактического захвата действующей в государстве системы государственных органов насильственный захват власти (т.е. приход к ней неконституционным путем) возможен в результате ее узурпации, установления контроля над верховной властью одним лицом или одной политической силой (партией).

Другой, пожалуй, наиболее «надежный» с точки зрения достижения искомого результата вариант захвата власти (захвата государства) – вооруженный. Это традиционный способ насильственного завладения властью, который имеет давние исторические традиции и многовековой опыт применения на территории всего мирового пространства. Вооруженный способ захвата власти возможен в результате как внутреннего вооруженного конфликта, так и внешнего вооруженного противостояния, захватнической войны, внешней агрессии². Особенности вооруженного захвата власти заключаются, прежде всего, в применении для преодоления (подавления) воли страны (отдельной административно-территориальной единицы) и ее народа (населения) грубой силы – армии или аналогичных ей военизированных подразделений, оружия³. Этот способ захвата власти, как правило, сопровождается массовым кровопролитием, жертвами, и практически

¹ Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом. М., 2015. С. 23.

² Трифонова И.А. Классификация вооруженных конфликтов в современном международном праве // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 2–3 (153–154). С. 10–11.

³ Татарникова А.Н. Международное вооруженное вмешательство: опыт практического применения и оценка результативности // Стратег. стабильность. 2018. № 3 (84). С. 11.

никогда не влечет признания законным (легитимным)¹. Внутри страны это может быть вооруженный мятеж, восстание, революция или гражданская война. Со стороны других государств это может быть военная интервенция, аннексия и т.д. При этом сам приход и установление на определенной территории новой власти всегда характеризуется свержением, уничтожением (устранением) прежних государственно властных институтов.

Однако насильственный захват власти, если рассматривать этот феномен не в масштабе всего государства, а в проекции на его локальные территории, может выглядеть и по-другому. Это может быть фактический захват определенной территории и установление фактического контроля над ней. В таких условиях теоретически возможно возникновение альтернативных государственным институтам и законным властным структурам нелегитимных государственно-подобных образований со своим аппаратом управления и принуждения. Подобные явления характерны для таких времен и (или) мест, когда (в которых) политическое влияние государства ослаблено ввиду структурного, экономического или иного кризиса, авторитет государственной власти утрачен и не подкреплен силовыми ресурсами, армией и т.д. В российской истории это явление было распространено во времена гражданской войны, когда на территории вновь формировавшегося советского государства были разрушены старые институты государственной власти и государственного управления, но пока еще не были созданы новые. Тогда на пространствах бывшей Российской империи в различные временные промежутки насчитывались десятки локальных государственно-подобных образований².

Обзор возможных вариантов насильственного захвата власти в стране позволяет выделить следующие его основные формы:

1) политический (невооруженный) государственный переворот (возможно только коллективным субъектом) – фактический

¹ *Ветрюк М.С., Фоломеев Ю.Н., Макаров В.А.* Внутренние вооруженные конфликты и возможные пути их решения // Новая наука: Современ. состояние и пути развития. 2017. Т. 3. № 3. С. 76.

² *Медведев В.Г.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2004. С. 74.

захват и (или) переподчинение ключевых постов органов верховной власти страны новым лицам (любой неконституционный, незаконный переход власти, занятие высших должностей государства лицами без соблюдения порядка избрания на такие должности или занятие их вопреки установленному порядку замещения государственных должностей), начало распоряжения властью (издание приказов и распоряжений) – на уровне высших должностных лиц государства, ключевых государственных политических постов, обеспечивающих установление контроля над управлением территорией;

2) вооруженный насильственный захват власти – приход на высшие должности государственной власти с установлением контроля над государством (отдельной его территорией, административно-территориальной единицей) посредством применения оружия (с использованием вооруженных сил) в результате вооруженного восстания либо военная интервенция – нарушение государственной границы и вооруженный захват территории иностранным государством;

3) создание альтернативных политических институтов на территории и подчинение (переподчинение) им населения с установлением контроля над территорией и ее ресурсами (возможен как невооруженным (мирным, без применения военной силы), так и вооруженным путем).

Е.В. Павлова,
заместитель начальника
уголовно-судебного
управления прокуратуры
Московской области

Оценка прокурором доказательственного значения заключения специалиста и заключения эксперта в уголовном судопроизводстве

При рассмотрении уголовных дел судом участники судебного разбирательства нередко сталкиваются с проблемой разграничения полномочий эксперта и специалиста, привлекаемых сторонами к участию в деле с целью использования специальных знаний. Опыт практической работы автора настоящей статьи свидетельствует, что не только прокуроры – государственные обвинители, но нередко и суды не проводят четкой грани между процессуальной деятельностью эксперта и специалиста. При этом процессуальные действия, в которых участвуют специалист и эксперт, лишь тогда эффективны, когда эта деятельность основана на установленных законом принципах взаимодействия и разграничения их компетенции. Отсутствие четкого их разграничения в уголовно-процессуальном законе нередко влечет ошибочное отождествление их функций и доказательственного значения их заключений.

В УПК РФ, введенном в действие с 1 июля 2002 г., впервые дано определение понятия специалиста, которое в УПК РСФСР отсутствовало. В ст. 58 УПК РФ законодатель установил, что специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями. Вместе с тем данное законодательное нововведение не облегчило, а, скорее, породило ряд новых проблем правового статуса специалиста в уголовном деле и его соотношения со статусом эксперта. Так, закон определил единственное требование, которому он должен соответствовать – это обладание специальными знаниями. При этом точно такое же требование законодатель отнес и к эксперту. Полагаем, что, несмотря на различие стоящих перед экспертом и специалистом в уголовном процессе задач, обладание только специальными знаниями не может являться достаточным для их решения. При этом если деятельность эксперта

более детально регламентирована Федеральным законом от 31.05.2001 № 71-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», то регламентация участия специалиста в уголовном процессе ограничивается лишь УПК РФ. Если указанный Федеральный закон предусматривает определенные профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту, то УПК РФ считает достаточным наличие у специалиста только специальных знаний, не упоминая о таком необходимом требовании, как обладание им навыками в той или иной сфере деятельности.

Нельзя не согласиться с А. Верещагиной, отмечающей, что в УПК РСФСР регулирование этого вопроса было более конструктивным, так как ст. 133¹ «Участие специалиста» содержала предъявляемые к нему конкретные требования: 1) незаинтересованность в исходе дела; 2) вовлечение в уголовное судопроизводство решением уполномоченного субъекта; 3) обязательность для руководителей учреждений и организаций его требования о вызове лица в качестве специалиста; 4) обязанность уполномоченного субъекта убедиться в компетенции лица, выяснить его отношение к обвиняемому и потерпевшему¹.

Справедливым было бы заметить, что аналогичные требования к специалисту содержатся и в УПК РФ, но они могут быть выявлены только путем системного толкования уголовно-процессуального закона, что предполагает наличие глубокого знания норм процессуального права, в том числе прокурором – государственным обвинителем. Существующие сложности разграничения правового статуса указанных участников уголовного судопроизводства нередко приводят к судебным ошибкам, которым предшествует неправильная позиция прокурора в судебном процессе. При этом анализ процессуальных норм позволяет сделать вывод о том, что, соотнося процессуальные фигуры эксперта и специалиста в уголовном процессе, законодатель разделил их функции. Задача эксперта – производство судебной экспертизы и дача заключения (ч. 1 ст.57 УПК РФ), задача специалиста – содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, в исследовании материалов уголовного дела, содействие в постановке вопросов

¹ Верещагина А. Институт специалиста в УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 3. С. 86.

эксперту, а также разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Соотношение процессуальных функций эксперта и специалиста применимо к осмотру места происшествия в уголовном процессе удачно определил И.Л. Петрухин, придя к выводу, что «в отличие от экспертизы, проводимой в случае необходимости применения специальных познаний, специалисты привлекаются к осмотру тогда, когда существует только предположение о том, что их специальные познания окажутся полезными для обнаружения доказательств»¹. Данное определение в первую очередь четко определяет основания привлечения специалиста и в то же время не позволяет отождествлять его с экспертом, поскольку назначение экспертизы всегда связано не с предполагаемой, а с уже существующей необходимостью использования такой формы специальных знаний.

Вместе с тем материалы судебной практики свидетельствуют, что у участников судебного процесса, в том числе у прокурора и суда, не всегда есть правильное понимание процессуальной роли специалиста в ходе предварительного и судебного следствия. Единая позиция по этому вопросу отсутствует и у ученых-процессуалистов. Так, во втором издании учебника «Участие специалиста в процессуальных действиях» со ссылкой на работу А.А. Экзархопуло к новому виду использования специальных знаний отнесено обращение к специалистам, в том числе к научным работникам, преподавателям юридических вузов, бывшим экспертам силовых структур, которые могут «дать оценку заключений по ранее проведенным по делу экспертизам, высказать свои суждения по вопросу о квалификации деяния и в других случаях, когда имеется потребность в нетрадиционном использовании знаний сведущих лиц»². Если позволить себе согласиться с указанной позицией, то очевидным будет смешение понятий заключения и показаний эксперта с заключением и показаниями специалиста в уголовном судопроизводстве. Кроме того, непонятным остается вопрос о том, как специалист своим заключени-

¹ *Петрухин И.Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964. С. 28.

² *Зинин А.М., Семикаленова А.И., Иванова Е.И.* Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. С. 18; *Экзархопуло А.А.* Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 61.

ем может дать оценку заключению эксперта, проводившего исследование, не располагая представленными в распоряжение последнего материалами и не проводя самого исследования. Анализ судебной практики свидетельствует о правильности позиции автора настоящей статьи.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 18.07.2016 по уголовному делу в отношении М., осужденной за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, оставлен без изменения приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 01.04.2016. Вопреки доводам осужденной и ее защитника, суд первой инстанции обоснованно признал положенные в основу приговора заключения экспертов допустимыми доказательствами, поскольку они получены с соблюдением требований УПК РФ, противоречий не имеют и согласуются с другими доказательствами по делу. Суд апелляционной инстанции признал несостоятельными доводы апелляционной жалобы защитника М. о том, что имеющееся в материалах дела заключение специалиста ставит под сомнение правильность выводов заключения экспертов, так как в заключении специалистов, выполненном по запросу адвоката, отсутствуют какие-либо процессуальные гарантии достоверности и допустимости содержащихся в нем сведений и выводов. Специалисты самостоятельно никаких исследований не проводили, их заключение основано на имеющейся в материалах уголовного дела копии судебно-медицинской экспертизы, содержит ее переоценку, и мнение специалистов о законности и обоснованности заключения экспертов, признанного органами следствия и судом доказательством по делу. Таким образом, специалисты вышли за рамки предусмотренных ст. 58 УПК РФ полномочий, взяв на себя функции экспертов¹.

Имеющая место длительное время коллизия по данному вопросу была частично разрешена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». В п. 16 данного постановления категорично определено, что за-

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда № 22-2319/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2020). Данное определение не публиковалось.

ключение специалиста в судебном разбирательстве не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу.

Изложенное свидетельствует об обязанности прокуроров, участвующих в уголовном процессе (как осуществляющих надзор в досудебном производстве, так и поддерживающих государственное обвинение в суде), четко различать правовой статус и функции специалиста и эксперта, привлекаемых для разрешения вопросов, требующих использования специальных знаний. Это является одним из показателей их профессионализма, исключающим неверные выводы о равнозначном доказательственном значении заключений специалиста и эксперта по уголовному делу, обеспечивающим единство подходов к их оценке и, как следствие, объективную оценку заключений данных участников судопроизводства.

А.И. Петрова,
специалист 1 категории
юридического отдела аппарата
Уполномоченного по правам ребенка
в Санкт-Петербурге, соискатель
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав детей – внутренних мигрантов при получении ими государственных услуг в сфере миграции

Имманентным свойством интенсивных социальных изменений последних лет является активизация процессов миграции населения. Усиление внутренней миграции в России констатируется Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы¹.

¹ Утверждена Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

Изменение места жительства гражданами России – это форма реализации основного права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Закрепленное ст. 27 Конституции Российской Федерации, оно конкретизируется Законом от 25.06.1993 № 5242-І «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». В соответствии с ч. 1 ст. 3 данного закона в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданином Российской Федерации его прав и свобод, а также исполнения обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом вводится регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 3 указанного закона регистрация или ее отсутствие не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан. Вместе с тем в ряде случаев факт проживания по определенному адресу и наличие подтверждающих его документов может быть значимым для реализации основных прав ребенка, например права на образование при приеме детей в первый класс¹. Данные регистрационного учета представляются максимально удобным на практике, формальным способом подтверждения факта проживания (пребывания) лица по определенному адресу.

В рамках сбора эмпирических материалов по вопросу деятельности прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности в целях создания возможностей для реализации прав детей, вовлеченных в миграционные процессы, и восстановления их нарушенных прав проанализированы материалы 11 прокуратур различных регионов России, в частности материалы о деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации, прокуратур городов и районов, разъяснения действующего законодательства за 2019 г., а также материалы

¹ Порядок приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 22.01.2014 № 32 (с изм.) // Рос. газ. 2014. 11 апр. № 83; письмо Минпросвещения России от 22.01.2019 № 03-140 «О приеме в 1 класс» // Вестн. образования России. № 8. апр. 2019.

официальных сайтов ряда Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации.

Установлено, что в целях правового просвещения граждан прокурорами уделяется внимание разъяснениям законодательства о постановке детей на регистрационный учет¹, о порядке приема в первый класс в привязке к регистрационному учету ребенка².

В то же время практика показывает, что постановка ребенка на регистрационный учет как таковая может быть сопряжена с рядом правоприменительных проблем. Так, в настоящее время процедура регистрации граждан Российской Федерации регулируется Правилами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 № 713³, Административным регламентом, утвержденным приказом МВД России от 31.12.2017 № 984⁴. Предписания этого Административного регламента и практика их применения ужесточили требования к комплекту документов для регистрации детей по месту жительства по сравнению с предшествующим Административным регламентом⁵, сделав обязательным требование о подаче паспортов обоих родителей⁶. При этом в ряде случаев предоставление паспорта второго родителя фактически невозможно. К Уполномо-

¹ См., напр.: Местом жительства несовершеннолетних детей до 14 лет признается место жительства их родителей // Прокуратура Республики Адыгея. URL: <http://www.adygproc.ru/documents/raz/mestom-zhitelstva-nesovershennoletnih-detey-do-14-let-priznaetsya-mestozhitelstva-ih> (дата обращения: 25.04.2020).

² См., напр.: Являются ли временная и постоянная регистрация юридически равнозначными применимо к вопросу поступления в 1 класс? // Прокуратура Кабардино-Балкарской Республики. URL: <http://prokuror-kbr.ru/index.php?Page=news&id=9067&idp=20> (дата обращения: 25.04.2020).

³ Правила регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 17.07.1995 № 713 (с изм.) // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.

⁴ Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 31.12.2017 № 984. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2018).

⁵ Административный регламент предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: утв. приказом ФМС России от 11.09.2012 № 288 (утратил силу) // Рос. газ. 2013. 17 апр.

⁶ Административный регламент Министерства внутренних дел.

ченному по правам ребенка в Санкт-Петербурге неоднократно обращались матери, оказавшиеся в такой ситуации по различным причинам. Уполномоченным получены разъяснения Главного управления по вопросам миграции МВД России, по которым предоставление паспортов обоим родителям свидетельствует о достижении ими согласия по вопросу регистрации ребенка. Реализация данного требования позволяет снизить риски злоупотребления интересами ребенка со стороны одного из родителей. При этом в ситуациях, когда паспорт второго родителя невозможно представить по объективным причинам, родитель, подающий комплект документов для регистрации ребенка, должен подать заявление в свободной форме, объяснив причину невозможности предоставления паспорта второго родителя. При участии Уполномоченного правовые проблемы заявителей разрешились¹.

Результаты опроса (анонимного анкетирования) работников прокуратуры – слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации показали, что 42% респондентов сталкивались с нарушениями прав детей – внешних и внутренних мигрантов в части исполнения миграционного законодательства и реализации основных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, образование, жилище, социальное обеспечение, из них 50% сообщили, что сталкивались с такими нарушениями прав детей – граждан Российской Федерации, внутренних мигрантов. Указанное количество нарушений может быть признано значительным, требующим пристального внимания со стороны сотрудников прокуратуры к вопросам обеспечения прав детей – граждан Российской Федерации при смене ими места проживания в пределах нашей страны.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» подчеркивается необходимость усиления профилактической направ-

¹ См., напр.: Можно ли прописать детей без согласия папы? // Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. URL: <http://www.spbdeti.org/id7842> (дата обращения: 25.04.2020).

ленности надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, постоянного осуществления надзора за исполнением законодательства о социальной защите и образовании детей, соблюдением их жилищных прав, систематических проверок исполнения законодательства об охране здоровья детей¹.

Результаты анализа материалов прокурорской практики показали, что зачастую проблемы реализации основных прав детей – граждан Российской Федерации связаны с миграционными проблемами семьи. По результатам проверок прокурорами, а также в результате рассмотрения судами административных исковых заявлений прокуроров, заявленных в интересах граждан, права детей на требующиеся публичные услуги были восстановлены².

Принимая во внимание, что факт постановки ребенка на регистрационный учет может играть ключевую роль для оперативной реализации его основных прав, сотрудникам прокуратуры, осуществляющим надзор за исполнением миграционного законодательства, следует на постоянной основе осуществлять мониторинг нормативного правового регулирования регистрационного учета несовершеннолетних и практики его применения, своевременно реагировать на нарушения прав детей с миграционным опытом, используя в едином комплексе все предоставленные законом полномочия по выявлению и пресечению выявленных нарушений, по восстановлению нарушенных прав.

¹ Законность. 2008. № 2.

² См., напр.: Судом удовлетворено административное исковое заявление прокурора Советского района г. Улан-Удэ в защиту прав ребенка // Прокуратура Республики Бурятия. URL: <http://prokuratura-rb.ru/?p=24733> (дата обращения: 25.04.2020); Клинская городская прокуратура восстановила нарушенные социальные права многодетной семьи // Прокуратура Московской области. URL: <https://mosoblproc.ru/news/klinskaya-gorodskaya-prokuratura-vosstanovila-narushennyye-sotsialnyie-prava-mnogodetnoy-semi/> (дата обращения: 25.04.2020).

Т.М. Петрова,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

Проблемы уголовной ответственности за преступные посягательства на особо охраняемых диких животных и растений

УК РФ 1996 г. впервые выделил экологические преступления в отдельную главу, подчеркнув при этом важность защиты окружающей среды от преступных посягательств и неотвратимость уголовной ответственности за совершение преступлений в указанной сфере. Этот факт полностью соответствует ст. 42 Конституции Российской Федерации, которая признает право каждого на благоприятную окружающую среду.

Во всем спектре проблем экологического характера одной из наиболее острых является проблема защиты и сохранения многообразия животного и растительного мира, в основном особо охраняемых видов. Их неконтролируемое истребление ведет к вымиранию и полному исчезновению с лица земли, нарушая экологический баланс в природе.

Влияние человеческой деятельности на окружающую среду сегодня настолько велико, что число исчезнувших и исчезающих видов животных увеличивается на глазах. По данным биологов, количество вымерших животных в 1800 г. составляло около полутора сотен, в 1900 г. – порядка двух тысяч, в 2000 г. этот показатель стал равен почти 40 тыс.¹ По данным Всемирного союза охраны природы, причиной гибели 75% видов млекопитающих и 86% видов птиц является деятельность человека². Одним из факторов масштабного истребления редких видов животных считается высокий спрос на особи и их производные на международ-

¹ *Бабичкий А.* Вымирающие виды животных повод задуматься о природе. URL: <http://www.chuchotezvous.ru/earth-evolution/1499/html> (дата обращения: 01.04.2020).

² Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов: Приказ МПР России от 06.04.2004 № 323 // СПС «КонсультантПлюс».

ном рынке и на территории нашей страны. Незаконный оборот животных, находящихся под угрозой исчезновения, уже давно считается одним из наиболее прибыльных видов нелегального бизнеса.

По отчетным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2018 г. в стране зарегистрировано 23 899 экологических преступлений¹. В 2019 г. их количество составило 22 230². Несмотря на то что в сравнении с аналогичными показателями прошлых лет их число уменьшилось (по сравнению с 2017 г. –2%; с 2018 г. –7%), делать вывод об улучшении экологической ситуации в стране преждевременно.

В структуре совершенных преступлений экологической направленности на первом месте стоят преступления, посягающие на объекты животного мира – животных и водных биологических ресурсов. В 2018 г. по ч. 1 ст. 256 УК РФ было осуждено 1779 лиц, по ч. 2 ст. 256 УК РФ – 772 лица. По ч. 1 ст. 258 УК РФ в 2018 г. осуждено 174 лица, по ч. 2 ст. 258 УК РФ – 167 лиц. За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 258¹ УК РФ, в 2018 г. осуждено 304 лица, по ч. 3 ст. 258¹ УК РФ за аналогичный период – 49 лиц³.

Средства уголовно-правового воздействия, а именно уголовная ответственность за посягательства на особо охраняемые объекты животного и растительного мира, в частности, по ст. 226¹, 256, 258, 258¹ УК РФ, являются наиболее острым и крайним способом защиты данных видов от преступных посягательств. Однако законодательные положения статей в действующих в настоящее время редакциях и дифференциация уголовной ответственности далеки от совершенства и зачастую трудноприменимы на практике, что позволяет лицам, совершившим преступления, избежать предусмотренного законом наказания.

Прежде всего обращает на себя внимание перечень санкций и их размер. Санкции ст. 256 и 258 УК РФ предусматривают

¹ Статистический сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2018 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

² Статистический сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2019 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

³ Судебная статистика Российской Федерации 2018 г. URL: stat/апи-пресс.pф (дата обращения: 01.04.2020).

наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет, в связи с чем данные преступления относятся к числу преступлений небольшой тяжести. Закрепив в 2013 г. уголовную ответственность за незаконный оборот краснокнижных животных и водных биологических ресурсов, что, несомненно, стало необходимой и своевременной мерой, законодатель предусмотрел большое количество альтернативных наказаний. При этом альтернативность санкций, предусматривающих наказание, не связанное с лишением свободы, ставит под сомнение эффективность общей превенции данного преступления. В теории рассматриваются вопросы увеличения максимального срока лишения свободы и сокращения числа альтернативных видов наказания, не связанного с лишением свободы, либо полного отказа от них. Осенью 2019 г. законодатель усилил ответственность, увеличив верхний предел санкции в виде лишения свободы по ст. 258¹ УК РФ, приняв Федеральный закон от 16.10.2019 № 340-ФЗ и переведя преступные деяния, предусмотренные ч. 2, 2¹, 3, 3¹, из категории преступлений средней тяжести в тяжкие, а деяния, предусмотренные ч. 1, из категории преступлений небольшой тяжести в преступления средней тяжести. Сравнивая размеры наказания, предусмотренные ст. 258¹ УК РФ и, к примеру, статьями за преступления против собственности, автор приходит к выводу об одинаковой ответственности за лишение жизни краснокнижного животного, т.е. действия, влекущего необратимые последствия, и похищение чьей-либо вещи, имеющее далеко не тождественный результат. Законодатель ставит на один уровень защиты живое существо и неодушевленную вещь, что нам представляется по крайней мере нелогичным.

На правовом уровне отсутствует четкая формулировка понятий «редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного мира», «особо ценные виды диких животных и водных биологических ресурсов», «особо охраняемые дикие животные и растения». При этом одним из главных вопросов, вызывающих споры в теории и возникающих на практике, является вопрос обоснованности критериев отбора, которыми руководствовался законодатель при отнесении представителей фауны к категории «особо ценных». Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 31.10.2013 Перечень особо ценных ди-

ких животных включает в себя 22 вида, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Между тем Красная книга Российской Федерации содержит более двухсот видов животных. Уголовное законодательство, в свою очередь, прямо закрепляет уголовную ответственность за посягательства на особо ценные виды диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 258¹ УК РФ), а также на птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена (п. «в» ч. 2 ст. 258 УК РФ). Таким образом, на практике возникает коллизия правовых норм, правоприменитель зачастую стоит перед выбором – какую статью нужно применять при незаконной охоте на таких животных.

Неясной до настоящего времени остается позиция законодателя о закреплении в анализируемых статьях института соучастия. Уголовный закон устанавливает один уровень ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 256 и ч. 2 ст. 258 УК РФ, в разных видах соучастия, как совершенных группой лиц по предварительному сговору, так и организованной группой. Федеральный закон от 16.10.2019 № 340-ФЗ также законодательно закрепил в ч. 3 ст. 258¹ УК РФ наряду с организованной группой такой квалифицирующий признак, как «группа лиц по предварительному сговору». Внесение данных изменений не только не снимает с повестки дня указанный вопрос, но и еще больше усугубляет его, по аналогии с указанными статьями УК РФ. Установление одного уровня ответственности за совершение преступлений в разных видах соучастия представляется нелогичным, так как общественная опасность деяния, совершенного организованной группой лиц, несомненно, в разы выше.

Проблемные моменты в разрешении вопроса о разграничении уголовной и административной ответственности за незаконные добычу и оборот особо охраняемых диких животных и растений поможет снять введение административной преюдиции как способа разграничения указанных видов ответственности по данным составам. Закрепив ее применение в гл. 26 УК РФ, правоприменитель на практике будет более четко понимать, к какому виду ответственности привлекать правонарушителя за совершенное деяние. Учитывая, что уголовная ответственность – это крайняя мера ответственности, применение воздействия административного плана за совершение первого нарушения порой бывает

более оправданным и соответствует степени причиненного вреда. Отметим и превентивную роль административной преюдиции, когда, привлекая виновное лицо к уголовной ответственности, ему четко разъясняется ответственность уголовного характера за совершение повторного деяния, что в свою очередь обеспечит точное осознание субъектом преступного характера своих действий.

Среди методов уголовно-правовой охраны особо охраняемых диких животных и растений автор считает возможным введение метода поощрения (компромисса) для лиц, впервые совершивших преступление. Концепция компромисса в 1992 г. стала предметом специального криминологического и уголовно-правового исследования Х.Д. Аликперова, одним из первых давшего определение норм уголовного законодательства, допускающих компромисс¹. Отметим, что компромисс – это своего рода сделка между государством и преступником, которая носит вынужденный характер – во имя более оптимальных результатов борьбы с преступностью.

Таким образом, многие вопросы законодательной регламентации уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления против особо охраняемых диких животных и растений, а также дифференциация ответственности по ним остаются невыясненными до настоящего времени и требуют разрешения в целях дальнейшего совершенствования и развития.

¹ Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку: Элм, 1992.

В.Н. Ростова,
прокурор отдела по надзору
за процессуальной деятельностью
ГУ МВД, ГСУ ГУ МВД России
по Челябинской области
прокуратуры Челябинской области

Роль постановления о возбуждении уголовного дела в системе процессуальных гарантий

Согласно основному закону страны человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2).

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Содержащиеся в УПК РФ и в других законах нормы образуют систему процессуальных средств, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов граждан¹. Системой процессуальных гарантий обеспечивается защита прав и законных интересов участников уголовного процесса². Соответственно процессуальные гарантии характерны как для уголовного судопроизводства, так и для отдельных его стадий, в том числе возбуждения уголовного дела.

Одним из обязательных элементов стадии уголовного процесса является наличие итогового для данной стадии процессуального решения, что представляется важным. Относительно значения таких процессуальных решений высказываются разные суждения. С одной стороны, говорится о том, что принятие рассматриваемых решений ограничивает конституционное право граждан на доступ к правосудию, является одной из основных причин резкого снижения

¹ Апостолова Н.Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.

² Овчинников Ю.Г. К вопросу о недопустимости расширительного толкования принципов уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2020. № 5.

эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений¹.

С другой стороны, констатируется появление процессуальных прав именно с принятием решения либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о его возбуждении². В развитие указанных точек зрения Ю.А. Гончан отмечает, что «процессуальный статус субъекта возникает после принятия соответствующего решения, оформленного в виде постановления. Только после этого появляется, например, подозреваемый и обвиняемый, потерпевший и эксперт. До этого возникают некие промежуточные фигуры – заявитель, пострадавший, очевидец и пр.»³, с чем следует согласиться.

Необходимо сказать, что содержание положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ с 2013 г. предусматривает расширенный перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. Это позволит сделать вывод о размывании границ стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, возможности уголовного преследования (ограничения конституционных прав граждан) с момента поступления сообщения о преступлении. В свою очередь, теоретически данные особенности не исключают возможности ограничения конституционных прав граждан.

Вместе с тем представляется, что ограничение конституционных прав граждан возможно только после возбуждения уголовного дела. Как обоснованно отмечается рядом авторов, стадия возбуждения уголовного дела является процессуальной гарантией личности от незаконного уголовного преследования, а также средством оптимизации деятельности органов предварительного расследования – освобождения их от бессмысленной работы по проверке информации, поступившей из различных источников⁴.

¹ Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2.

² Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2015. С. 349.

³ Гончан Ю.А. Функциональный анализ правоотношений субъектов уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела. Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2007. С. 113.

⁴ Туганов Ю.Н., Пономарева А.В. О реализации целей уголовного судопроизводства в процессуальной деятельности дознавателей воинских частей на стадии возбуждения уголовного дела // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 3.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, «актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда»¹.

Уголовно-процессуальное законодательство позволяет возбуждать уголовное дело публичного обвинения как в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), так и в отношении неустановленных лиц, т.е., по факту совершения преступления (ст. 146 УПК РФ). Данные процессуальные решения имеют различия, в том числе в правовых последствиях, что вызывает определенные вопросы в научных кругах и среди практических работников.

Под возбуждением уголовного дела в целом понимается официальное начало предварительного расследования, «условие движения уголовного дела»². Постановление о возбуждении уголовного дела служит фактом, удостоверяющим «установленность события преступления»³. Как обоснованно отмечается, «на данном начальном этапе производства не требуется выявлять весь объем таких признаков, потому что здесь решается не «конечный» вопрос об уголовной ответственности»⁴, а указанная в постановлении о возбуждении уголовного дела квалификация содеянного может рассматриваться лишь в качестве предварительной. При этом возбуждение уголовного дела при наличии законных повода и основания не может расцениваться как нарушение конституционных прав⁵.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 384-О «По жалобе гражданина Григорянца Рубена Анушавановича на нарушение его конституционных прав положениями частей третьей и четвертой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² *Калиновский К.Б.* Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // СПС «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ *Воскобитова Л.А.* Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // *Lex russica*. 2020. № 4.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 654-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иваницкого Евгения Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

При учете возможности начала производства по уголовному делу по факту совершения преступления и в отношении конкретного лица в правоприменительной практике возникают вопросы о необходимости дополнительного (при наличии первоначального возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица) возбуждения уголовных дел о новых фактах преступных деяний других (взаимосвязанных с подозреваемыми) лиц, что может быть сопряжено с увеличением объектов либо предметов преступного посягательства (появление новых потерпевших), способов совершения преступлений по отношению к одному объекту либо предмету преступного посягательства.

Однозначного ответа на вопрос о том, как поступать в таком случае, нет в теории уголовного процесса и в правоприменительной практике.

Существует мнение, что преступлениям, совершаемым с единым умыслом, а также по взаимосвязанным с ними преступлениям (ст. 150, 205⁶, 306, 307 УК РФ и т.д.) вынесение отдельного постановления о возбуждении уголовного дела не требуется, а возможно «применение процедуры уведомления о начале уголовного преследования по новому преступлению» с последующим предъявлением обвинения по всем соответствующим статьям уголовного закона¹.

Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях указывает, что процессуальный закон не предусматривает обязанности органов предварительного расследования выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено, что к совершенному преступлению причастно и другое лицо или установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело².

Конституционный Суд Российской Федерации высказывает правовую позицию о том, что УПК РФ не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с со-

¹ Зеленина О.А. Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела в случае выявления нового преступления или нового лица в стадии предварительного расследования // Рос. юрид. журн. 2018. № 3.

² Цит. по: Калиновский К.Б. Указ. Соч. // СПС «КонсультантПлюс».

вершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось¹, возникает необходимость соблюдения ст. 140, 146 и 153 УПК РФ, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое, если имеются другие уголовные дела о совершенных тем же лицом преступлениях, может быть соединено с ними в одном производстве².

С учетом изложенного важно учитывать не только время, содержание, характер совершенных противоправных действий, но и суть преступления, наличие которого может быть установлено не сразу. Как обоснованно отмечает К.Б. Калиновский, «наличие постановления о возбуждении дела по каждому преступлению определяет пространственно-временные пределы его расследования, обеспечивает реализацию конституционного принципа недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ). Отсутствие акта возбуждения дела способно привести к нарушению правил подследственности и возможности нарушения прав граждан»³. В противном случае (при бездействии) не исключены факты укрытия преступлений путем необоснованного приобщения к материалам уголовного дела сообщений о новых фактах преступлений, требующих самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Таким образом, если дополнительно возбуждается уголовное дело, это влияет на предмет доказывания, подследственность, пределы дальнейшего производства тем кругом фактов – событий преступлений, по признакам которых оно возбуждено. В связи с чем в каждом случае дополнительного обнаружения достаточных данных, указывающих на признаки преступления, органы уго-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2348-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 146 и частью первой статьи 156 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1864-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самхарадзе Александра Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Калиновский К.Б. Указ. соч.

ловного преследования обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении дела.

Вместе с тем предусмотренная законом возможность возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления и в отношении конкретного лица позволяет указать следующее.

О.А. Зеленина пишет, что акт возбуждения уголовного дела должен связываться с преступным событием, в связи с чем соответствующее решение должно приниматься один раз, вне зависимости от того, установлены ли лица, совершившие преступление, и в каком количестве¹. К.Б. Калиновский обращает внимание на то, что возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица носит персонифицированный характер и «в этом случае вовлечение новых лиц в процесс в качестве подозреваемых или обвиняемых выглядит не только нелогичным (подозревается одно лицо, а задерживается в качестве подозреваемого другое)», что необоснованно расширяет полномочия следователя или дознавателя².

При этом в последнее время все чаще в качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается отказаться от объединения в одном постановлении о возбуждении уголовного дела двух различных решений (о возбуждении уголовного дела по признакам преступления и о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица)³.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, «когда же уголовное дело возбуждено по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, какое-либо лицо до выдвижения подозрения не может быть ни признано, ни названо подозреваемым в преступлении. По отношению к лицам, не являющимся подозреваемыми, ограничено применение мер процессуального принуждения»⁴. В связи с чем

¹ Зеленина О.А. Указ. соч.

² Калиновский К.Б. Указ. соч.

³ Овсянников И. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого // СПС «КонсультантПлюс»; Калиновский К.Б. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс»; Зеленина О.А. Указ. соч. 2018.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2753-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сааи Аяса Плоткаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой и пунктов 1–3 части второй статьи 38, части пятой статьи 146 и части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

актом о возбуждении подтверждается обвинительная деятельность, направленная против конкретного лица¹. При этом дополнительно возникает право на защиту как непосредственно у лица, чьи интересы нарушены совершенным в отношении него уголовно наказуемым деянием, так и у лица, в отношении которого разрешался вопрос о возбуждении уголовного дела².

В другом случае Конституционный Суд Российской Федерации указал: «Возбуждение уголовного дела по факту обнаружения признаков преступления, а не в отношении определенного лица обеспечивает как защиту публичных интересов, так и охрану прав и свобод, чести и достоинства лиц, чье участие в преступлении еще не подтверждено совокупностью доказательств, достаточной для обоснования подозрения»³. Этим минимизируется возможность ограничения прав и свобод таких лиц, в том числе тех, для которых предусмотрен особый порядок производства по уголовным делам, при сохранении специального порядка принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого⁴.

Предоставленная законодателем возможность считать лицо подозреваемым в случае возбуждения уголовного дела по основаниям и в порядке, предусмотренным гл. 20 УПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), сочетается с тем, что в ч. 1 ст. 146 УПК РФ такая возможность прямо не предусмотрена⁵. Но возможность возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица логически

¹ Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юрид. журн. 2015. № 4.

² Логинов Н.А. К вопросу обеспечения права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства России и иных государств – членов СНГ) // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2018. № 4.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 757-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ступина Дмитрия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьями 46 и 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2753-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сааи Аяса Плоткаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой и пунктов 1–3 части второй статьи 38, части пятой статьи 146 и части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ В ч. 5 ст. 146 УПК РФ содержится оговорка о том, что уголовные дела в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, возбуждаются в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ.

следует из ч. 1 ст. 223¹ УПК РФ, где говорится и о случаях, когда уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления. В данной же норме предусмотрено, что, если в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, копию которого вручает подозреваемому и разъясняет ему права подозреваемого, предусмотренные ст. 146 УПК РФ.

Поэтому представляется, что в случае, когда после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица в ходе расследования преступления устанавливаются в том числе соучастники преступления, разрешение данной ситуации возможно на основании применения положений УПК РФ по аналогии. Это создает необходимость законодательного совершенствования порядка возбуждения уголовных дел публичного обвинения, предусмотренного ст. 146 УПК РФ, при учете положений ст. 223¹ УПК РФ.

И.В. Румянцева,
магистрант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Некоторые вопросы конкуренции уголовно-правовых норм об охране памятников истории и культуры

Одним из важнейших направлений государственной политики в настоящее время является повышение ответственности за нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия¹. В связи с этим еще более возрастает необходимость уголовно-правовой охраны памятников истории и культуры.

¹ Указ Президента РФ от 25.04.2018 № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 07.04.2020 № 112-ФЗ была установлена ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243⁴ УК РФ)¹.

Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, по нашему мнению, является группа общественных отношений, объединенных понятиями общественного порядка и общественной нравственности.

Значение объекта преступления в данном случае предопределяется наличием схожих на первый взгляд составов преступлений, которые, в частности, различаются по непосредственному объекту.

Например, в ст. 164 УК РФ основным непосредственным объектом выступают общественные отношения в сфере собственности, в ст. 243 УК РФ – общественные отношения, обеспечивающие сохранность памятников истории и культуры (объектов культурного наследия)². В ст. 243⁴ УК РФ объект сужается и представляет собой общественные отношения, обеспечивающие сохранность только воинских захоронений, а также объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России, а равно посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы.

Интерес представляет предмет преступления, так как в большинстве случаев он выступает основополагающим для разграничения преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 164, ст. 214 и ст. 243 УК РФ, объективная сторона которых схожа с рассматриваемой нами ст. 243⁴ УК РФ.

Дело в том, что при применении специальной нормы (ст. 243 УК РФ) уже существуют проблемы разграничения данного состава с вандализмом. В настоящее время с введением ст. 243⁴ УК РФ

¹ Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Зарубин А.В. Некоторые проблемы разграничения уничтожения и повреждения объектов культурного наследия со смежными составами преступлений // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. 2016. Вып. 9. Т. 1. С. 140.

проблемы разграничения данных составов преступлений будут еще дальше от своего решения.

Для того чтобы понять, как квалифицировать содеянное в отношении памятников (в частности, это касалось памятников об увековечивании памяти воинов), суды руководствовались наличием либо отсутствием данного памятника в реестре объектов культурного наследия.

В одних случаях повреждение памятника квалифицировалось по ч. 1 ст. 214 УК РФ¹, в других же – по ч. 1 ст. 243 УК РФ в силу наличия данного объекта в реестре объектов культурного наследия².

В настоящее время при разграничении ст. 214, 243 и 243⁴ УК РФ может возникнуть четыре разных ситуации:

1) памятник не включен в реестр объектов культурного наследия и не подпадает под признаки объекта, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. В данном случае несмотря на то, что памятник является культурной ценностью, содеянное может быть квалифицировано как вандализм (ст. 214 УК РФ);

2) памятник не включен в реестр объектов культурного наследия, но подпадает под признаки объекта, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Деяние следует квалифицировать по ст. 243⁴ УК РФ;

3) памятник включен в реестр объектов культурного наследия, но не подпадает под признаки объекта, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Деяние следует квалифицировать по ст. 243 УК РФ;

4) памятник включен в реестр объектов культурного наследия и подпадает под признаки объекта, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Будет правильным квалифицировать его по ст. 243⁴ УК РФ.

При этом в условиях ранее существовавшей ст. 244 УК РФ в отношении специального предмета (скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам

¹ Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 08.12.2014 по обвинению Кривошапова С.А. по делу №1(2)-27/14 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ».

² Приговор Нижнеингашского районного суда Красноярского края от 10.12.2018 по обвинению Ивлева А. по делу № 1-87/2018 // ГАС РФ «Правосудие».

фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом) суды игнорировали объект преступного посягательства¹.

В большинстве случаев суды не выясняют субъективную сторону в полной мере, констатируя факт наличия определенного мотива, предусмотренного ст. 214 УК РФ. Так, в 2013 г. был осквернен памятник «Воин», посвященный погибшим в Великой Отечественной войне солдатам². Суд в обход специальной нормы квалифицировал действия лиц по ст. 214 УК РФ.

Считаем, что в данном случае в отсутствие повреждения нельзя квалифицировать по ст. 243⁴ УК РФ, хотя в условиях ранее существовавшего п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, которая предусматривала более широкий термин «надругательство», квалификация по данной норме была возможна.

Помимо рассмотренных вопросов также не способствует решению проблем квалификации санкция ст. 243⁴ УК РФ, поскольку в теории уголовного права при конкуренции уголовно-правовых норм, содержащих только квалифицирующие признаки, применяется норма, содержащая наиболее квалифицированный признак, т.е. та норма, санкция которой содержит наиболее строгое максимальное наказание³.

Максимальное наказание, предусмотренное ч. 1 ст. 214 УК РФ, составляет три месяца в виде ареста, ч. 1 ст. 243 УК РФ – три года в виде лишения свободы, по ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ – три года в виде лишения свободы.

Таким образом, в отличие от большинства конкурирующих составов верхний предел наиболее строгого вида наказания по ч. 1 ст. 243 и по ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ является равным. Однако в санкции ч. 1 ст. 243 УК РФ предусмотрена также возможность назначения обязательных работ на срок до четырехсот часов.

При этом преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 243 и ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести.

¹ *Осокин Р.Б.* О предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 212. № 6 (110). С. 273.

² *Калужская А.В.* К вопросу о единообразии квалификации преступлений, сопряженных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2015. 6 (50). С. 115.

³ *Научные основы квалификации преступлений: учебник / С.Н. Шатилович [и др.].* Тюмень: Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. С. 313.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление по ч. 1 ст. 243 или ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ.

При осуждении несовершеннолетнего за совершение исследуемых преступлений согласно ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему преступление в возрасте до шестнадцати лет, а также несовершеннолетним осужденным, совершившим такие преступления впервые.

В тех случаях, когда в силу требований закона осужденному не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, принудительные работы не назначаются¹.

Таким образом, при невозможности назначения наказания в виде лишения свободы подавляющему числу подсудимых санкция ч. 1 ст. 243 УК РФ является более строгой.

Вводя соответствующие изменения, законодатель стремился к усилению уголовно-правовой охраны воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или посвященных дням воинской славы России².

Исходя же из приведенных положений УК РФ, видно, что законодатель допустил существенный просчет в части формирования санкции ст. 243⁴ УК РФ, нарушив требования постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» в части формулирования санкций квалифицированных составов преступлений.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 917030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.03.2020). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/917030-7#bh_note (дата обращения: 03.05.2020).

Для устранения указанных проблем требуется внесение изменений в санкцию ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, а также разъяснений по порядку применения ст. 243⁴ УК РФ в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

И.М. Рябов,
студент Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Досудебное соглашение о сотрудничестве: перспективы нормативного регулирования

Досудебное соглашение о сотрудничестве относится к согласительной процедуре в уголовном процессе, при которой обвиняемый в обмен на сотрудничество со следственными органами, главным образом выражающееся в изобличении соучастников преступления, получает меньшую меру наказания. УПК РФ позаимствовал данный институт у зарубежных правовых систем, в частности у стран англосаксонского права: наиболее яркий пример – это сделки о признании вины в США. Убрав несовместимые с континентальным уголовным процессом положения (исходя из назначения уголовного судопроизводства), в частности о возможности торга между сторонами о квалификации и размере наказания, законодатель принял гл. 40¹ УПК РФ. Можно выделить две основные цели ее введения:

эффективная борьба с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, совершаемыми организованными группами. Зачастую раскрыть подобные преступления удастся только посредством сотрудничества с подозреваемым (обвиняемым), однако стимулов идти на диалог с правоохранителями у таких лиц до принятия изменений в УПК РФ в 2009 г. было мало, поскольку отсутствовали гарантии реального снижения наказания;

ускорение уголовного судопроизводства. С принятием гл. 40¹ УПК РФ российское уголовное судопроизводство еще больше отошло от принципа установления объективной истины, так как при проведении судебного разбирательства в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, отсутствует стадия судебного следствия. Поскольку доказательства, собранные на стадии предварительного расследования, не проверяются судом, уголовно-процессуальный закон не распространяет преюдициальность на приговоры, постановленные в порядке ст. 317⁷ УПК РФ, и не допускает обжалование приговоров по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Большинство авторов сходятся в том, что применение досудебного соглашения о сотрудничестве не достигло ни одной из целей, которые на него возлагались¹, поскольку:

статистически дела о тяжких и особо тяжких преступлениях в общем массиве уголовных дел, в которых досудебное соглашение было заключено, составляют меньшинство;

ускорения уголовного судопроизводства не произошло, потому что предварительное расследование проходит с идентичными обычному порядку следственными действиями, а судебное разбирательство затягивается, поскольку согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации² обязательно выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

Таким образом, назрела необходимость в серьезном реформировании гл. 40¹ УПК РФ с целью повышения частоты использования досудебного соглашения и эффективности его применения. Позволим себе предложить несколько возможных мер, которые «оживили» бы институт досудебного соглашения.

I. Прекратить практику выделения в обязательном порядке уголовных дел с лицами, заключившими досудебное соглашение

¹ Лодыженская И.И., Панфилов Г.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Ленингр. юрид. журн. 2016 № 1 (43). С. 162.

² Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // БВС РФ. 2012. № 9.

о сотрудничестве. Основной аргумент в пользу обязательного выделения состоит в соображениях безопасности лица, в отношении которого уголовное дело выделено. Однако практика показывает, что лица, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве, угроз насилия не получают. Эти лица хорошо известны и соучастникам, и их родственникам. Интересно то, что ответной реакцией на заключение сделки является подача соучастником аналогичного ходатайства с просьбой заключить сделку с ним¹.

Можно выделить ряд недостатков отдельного рассмотрения таких уголовных дел:

1. Специалисты отмечают, что в ситуации, когда приговор по выделенному делу вынесен, а основное дело еще рассматривается, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, уже «почивает на лаврах» и не проявляет ожидаемой от него активности в изобличении соучастников². Поэтому следователю желательно до выделения уголовного дела сформировать прочную доказательственную базу по основному делу, а прокурору при изучении обвинительного заключения следует внимательно анализировать проведенные следственные действия и в случае необходимости возвращать дело для дополнительного расследования.

2. В некоторых случаях приговор влечет за собой пересмотр в апелляционном, кассационном и надзорном порядке в отношении лица, заключившего досудебное соглашение, в случае исключения квалифицирующих признаков или оправдания лиц по основному уголовному делу (коллизия приговоров)³, что не способствует ускорению уголовного процесса как цели данного института.

3. Сложнее установить, имел ли место оговор соучастников или самооговор лица, заключившего досудебное соглашение с целью уменьшения преступной роли других лиц. При установле-

¹ Пилюк А.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и пути их решения // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Право. 2016. № 4(22). С. 73.

² Шадрин В.С. Законодательное регулирование, практика и возможности совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве // СПС «Консультант-Плюс».

³ См., напр., постановление Верховного суда Чувашской Республики от 25.10.2019 по делу № 1-462/2017; постановление Архангельского областного суда от 20.02.2019 по делу № 1-11/2018.

нии такого обстоятельства приговор пересматривается ввиду вновь открывшегося обстоятельства.

Считаем, что единое предварительное следствие и дальнейшее рассмотрение дела в суде позволят полнее и объективнее установить фактические обстоятельства преступного деяния, на что и направлено уголовное судопроизводство. В таком случае процессуальный статус лица, заключившего соглашение, будет таким же, как у всех, – подсудимый. Сейчас УПК РФ называет его как «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Согласимся с Л.В. Головки, что без выделения дела не надо будет прибегать к языковым и нормативным ухищрениям, откровенно замусоривающим уголовно-процессуальную систему такими фигурами. Потребность в подобном лице отпадет, оно останется обвиняемым по единому требующему сложного доказывания делу, согласным дать показания в обмен на установленные законом преференции в части назначения наказания¹.

Выделение уголовного дела должно быть исключением, а не правилом и может иметь место в резонансных делах, где есть реальная угроза безопасности жизни или здоровья. В таком случае сначала целесообразнее рассмотреть основное уголовное дело, а потом вынести приговор в отношении лица, заключившего досудебное соглашение. Проблема длительного рассмотрения основного уголовного дела удачно решается О.Н. Тисен, которая предлагает дополнить ч. 1 ст. 208 УПК РФ специальным основанием приостановления производства по делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, до вступления в законную силу приговора в отношении соучастников преступления².

4. Нормативно закрепить возможность и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, которое совершило единоличное преступление и способствует раскрытию

¹ Головки Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // СПС «КонсультантПлюс».

² Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 235.

и расследованию преступлений, в которых оно не принимало участия. В этом случае заимствование западного опыта не противоречит принципам российского уголовного процесса, однако постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 указывает на возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве лишь по делам о преступлениях, совершенных в соучастии. Несмотря на такое предписание, в практике встречаются случаи заключения досудебного соглашения, когда лицо изобличает лиц, совершивших другие преступления.

Ш. обвинялся в покушении на мошенничество за оказание содействия в признании победителем аукциона на приватизацию предприятия. В результате сотрудничества с Ш. была разоблачена преступная деятельность других должностных лиц, в которой Ш. участия не принимал¹. Однако в большинстве случаев обвиняемые, сообщившие сведения о совершенных другими лицами преступлениях, могут рассчитывать только на применение ст. 62 УК РФ и снижение наказания на одну треть, а ст. 64 УК РФ о наказании ниже низшего предела практически в таких случаях не применяется.

П.В. Вдовцевым резонно ставится вопрос оценки значения сотрудничества с обвиняемым². Исследование судом материалов уголовных дел о преступлениях, совершенных другими лицами, не согласуется с требованием уголовно-процессуального закона о проведении судебного разбирательства только в отношении обвиняемого и только по предъявленному ему обвинению. Соединение таких дел нецелесообразно. Оптимальным выходом опять-таки будет приостановление уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, пока приговор в отношении изобличенного лица не вступит в законную силу. По основному делу лицо должно обладать статусом лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

¹ Цит. по: *Иванов А.А.* Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С. 132.

² *Вдовцев П.В.* Возможно ли заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично? // Рос. следователь. 2017. № 10. С. 3.

Н.В. Сальников,
аспирант Университета прокуратуры
Российской Федерации

Объект как альтернативный признак состава преступления

Краеугольным камнем уголовного права без сомнения является состав преступления, выступающий одновременно основой правоприменительной деятельности и важнейшим инструментом правотворчества в целях уголовно-правового противодействия преступности.

Эффективность практического применения модели «каркаса» преступления обуславливается необходимостью четкого и понятного его законодательного изложения. Следуя принципу экономии нормативного пространства, законодатель формулирует сложные составы преступлений с несколькими однородными признаками, имеющими альтернативный характер. Причем такие конструкции используются в УК РФ довольно широко – свыше 70% составов преступлений, предусмотренных УК РФ, содержат альтернативные признаки.

В научной среде высказывалось критическое отношение к казуистическому способу изложения уголовно-правовых норм¹ и подчеркивались некоторые преимущества применения данного способа изложения в уголовном законодательстве (ограничение пределов судебного усмотрения, повышение уровня правовой определенности уголовно-правовых запретов)². Неизбежность противоречия между абстрактностью и казуальностью уголовного закона обуславливает поиск оптимального баланса при формулировании уголовно-правовых предписаний³.

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: ИД «Горосдец». 2007. С. 63, 158.

² Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 264.

³ Обращивев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 100–103.

Конструирование составов с альтернативными признаками должно быть подчинено определенным правилам. Однако природа данного процесса должным образом не исследована, а предпосылки и закономерности формирования подобных нормативных конструкций в достаточной степени не разработаны.

Важнейшим для понимания сущности составов преступлений с альтернативными признаками является определение круга признаков состава преступления, которые могут быть изложены альтернативно. В научной среде по данному вопросу нет однозначного мнения.

Некоторые специалисты считают, что особенностью состава преступления с альтернативными признаками является наличие в диспозиции статьи указания на совершение нескольких различных действий, совершения любого из которых достаточно для признания его преступным. В частности, И.Э. Звечаровский в качестве особенности «альтернативного состава» выделяет наличие указания на несколько вариантов преступных действий, «каждый из которых либо все вместе образуют состав преступления»¹. Аналогичной позиции придерживается Н.Г. Кадников, утверждающий, что «альтернативный состав включает в себя совершение любого из перечисленных в конкретной статье Особенной части УК действия»².

Однако большинство исследователей трактуют преступления с альтернативными признаками состава более широко, указывая, что альтернативный характер могут иметь не только действия, но и иные признаки³. Так, К.В. Ображиев и Д.С. Чикин выделяют преступления с альтернативными признаками предмета или потерпевшего, деяниями (действиями или актами бездействия), последствиями, способами совершения преступления, ме-

¹ См.: *Уголовное право России. Общая часть: учебник* / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Юристъ, 2004. С. 118.

² *Кадников Н.Г. Категории преступлений и проблемы уголовной ответственности: учеб. пособие.* М.: Книжный мир, 2005. С. 28.

³ См.: *Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование* / под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. С. 52; *Уголовное право. Общая часть: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп.* / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юрид. фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2008. С. 94; *Предеин П.Ю. Законодательные конструкции единичных сложных преступлений* // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. 2011. № 4. С. 174.

стами совершения преступления, орудиями или средствами, мотивами и (или) целями¹. В свою очередь, А.М. Ораздурьев выделяет одиннадцать видов составов преступлений с теми или иными альтернативными признаками². А.В. Иванчин утверждает, что в составе преступления альтернативным может выступать практически любой признак (кроме, видимо, физического признака и признака вменяемости, характеризующих субъекта преступления)³.

Альтернативность признаков объективной стороны, субъекта и субъективной стороны состава преступления представляется довольно очевидной, поскольку она явно прослеживается в уголовно-правовых нормах. Что же касается альтернативности объекта преступления, то этот вопрос весьма дискуссионный.

В уголовно-правовой науке под объектом преступления принято понимать охраняемые уголовным законом общественные отношения⁴. Согласно устойчивой научной классификации объект преступления делится «по вертикали» на общий, родовой, видовой и непосредственный. В контексте рассматриваемой нами проблематики эта классификация объекта преступления играет важную роль. Очевидно, что общий объект как отражение всей охраняемой уголовным законом совокупности общественных отношений не может быть альтернативным в рамках уголовного права. Альтернативность родового объекта можно признавать лишь в широком смысле в виде существования различных групп однородных общественных отношений, вместе с тем эти группы не являются равнозначными (к примеру отношения, связанные с обеспечением общественной безопасности, и отношения, обеспечивающие право собственности). Схожая ситуация с видовым объектом, на основании которого происходит отграничение раз-

¹ *Ображиев К.В., Чикин Д.С.* Сложные единичные преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 102–103.

² *Ораздурьев А.М.* Классификация единичных составов преступлений в зависимости от количества элементов и признаков состава в законе // Вестн. Волжского ун-та имени В.Н. Татищева. 2018. № 4. Т. 2. С. 12.

³ *Иванчин А.В.* Состав преступления: учеб. пособие / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 90.

⁴ *Энциклопедия уголовного права.* Т. 4. Состав преступления. Изд. проф. Малинина. СПб., 2005. С. 89.

личных составов преступлений как посягательств на общественные отношения разных видов.

В связи с этим отчасти стоит согласиться с утверждением о том, что данная классификация хотя и имеет отношение к нормотворческому конструированию уголовно-правовых запретов, отражая структуру уголовного закона, все же прямо не относится к составу преступления как категории, в которой объект является одним из элементов¹. Вместе с тем наличие научно обоснованной классификации позволяет верно установить основной непосредственный объект преступления благодаря его связи с родовым и видовым.

Таким образом, именно основной непосредственный объект, поставленный под охрану уголовно-правовой нормой, имеет решающее значение для определения возможности альтернативности объекта как признака состава преступления. Это обуславливает необходимость подробнее рассмотреть «горизонтальную» классификацию объекта преступления.

Поскольку преступление, предусмотренное одним составом, может посягать сразу на несколько объектов охраны, в науке уголовного права разработана классификация непосредственного объекта преступления «по горизонтали», в рамках которой выделяют основной, дополнительный и факультативный объекты.

Основным непосредственным объектом преступления считаются общественные отношения, изменение которых составляет социальную сущность преступления и в целях охраны которых издана уголовно-правовая норма². Под дополнительным объектом, по общему мнению, понимается общественное отношение, посягательство на которое не составляет сущности преступления, но нарушает или создает угрозу его нарушения наряду с основным объектом. При этом поставленным под защиту законодателем общественным отношениям всегда причиняется вред или создается угроза его причинения³.

¹ *Иванчин А.В.* Указ. соч. С. 46.

² *Улезько С.Н.* Классификация объектов преступления // *О-во и право.* 2013. № 4 (46). С. 72.

³ *Замосковцев П.В.* О многообъектности преступных посягательств // *Проблемы борьбы с преступностью.* – Омск, 1978. С. 4.

Что же касается факультативного объекта преступления, то его понимание является предметом научной дискуссии. Одни ученые считают, что факультативный объект выступает самостоятельным в трехзвенной «горизонтальной» классификации. В таком случае под факультативным объектом понимаются общественные отношения, которые, находясь под уголовно-правовой защитой, терпят урон не во всех случаях совершения преступления данного вида. При этом факультативный объект не входит в конструкцию состава преступления¹. Его наличие либо отсутствие обусловлено фактическими обстоятельствами совершения преступления, а не нормативной конструкцией. И только когда преступление посягает на факультативный объект, он возводится в ранг обязательного дополнительного объекта.

Другие специалисты предлагают считать факультативный объект разновидностью дополнительного объекта. С этой точки зрения дополнительный объект может быть обязательным (ему всегда причиняется вред от преступления) и факультативным (такой объект подвергается деструктивному криминальному воздействию не во всех случаях)². Иными словами, при такой трактовке факультативный объект выступает как один из видов дополнительного. Данная позиция представляется нам более предпочтительной.

Одним из главных критериев выделения альтернативных признаков состава преступления считается их равнозначность, при этом подчеркивается, что «если они не однородны и не равны по тяжести, то описание их как альтернативных создает возможность для квалификационных ошибок»³. Чтобы разобраться с возможностью альтернативного изложения объекта как признака состава преступления, следует исходить из довольно обоснованной позиции, согласно которой альтернативные объекты, содержащиеся в основном составе преступления, должны быть равнозначны в уголовно-правовом значении и взаимозаменяемы⁴.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 36; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. С. 90.

² Ораздурьев А.М. Указ. соч. С. 5–6.

³ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 158.

⁴ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. С. 83.

Очевидно, что основной и дополнительный объекты преступления не могут быть равнозначными и тем более взаимозаменяемыми, что объясняется «статусом» основного объекта как определяющего сущность уголовно-правового запрета. Точно так же не могут быть альтернативными основной и факультативный объекты, поскольку сам принцип построения «горизонтальной» классификации объектов преступления предполагает наличие лишь одного безальтернативного непосредственного объекта.

Исходя из этого, альтернативность объекта преступления может проявляться только на уровне двух или более факультативных дополнительных объектов, т.е. объектов, указанных в составе, которым вред может быть причинен не во всех случаях в ходе посягательства на основной объект. К примеру, в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ, основным непосредственным объектом выступают общественные отношения, направленные на охрану собственности. Факультативными дополнительными объектами в данном составе будут отношения, охраняющие честь и достоинство потерпевшего и его близких, а также отношения, обеспечивающие их личную неприкосновенность и здоровье. Это следует из указания на альтернативные способы совершения преступления и потерпевших (совершение действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких). Указанные объекты состава преступления равноценны в уголовно-правовом значении и взаимозаменяемы, в связи с чем можно говорить об их альтернативности.

Из изложенного можно сделать вывод о том, что независимо от того, обозначается ли альтернативный объект самостоятельным в «горизонтальной» классификации объектов преступления или же альтернативность проявляется через факультативный дополнительный объект, стоит обозначить саму возможность альтернативности объекта как признака состава преступления. При этом специфика альтернативности объектов заключается в их

связи и обусловленности альтернативностью иных признаков состава преступления.

Таким образом, под альтернативными объектами следует понимать равнозначные в уголовно-правовом значении и взаимозаменяемые объекты, содержащиеся в одном составе преступления, посягательства хотя бы на один из которых наряду с основным непосредственным объектом достаточно для признания деяния преступным (в случае наличия остальных признаков состава преступления).

Р.А. Смакаева,
магистрант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением права на образование

В современном мире право на образование является одним из важнейших прав человека и гражданина. В нашей стране право каждого на образование, а также его общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных организациях закреплено в ст. 43 Конституции Российской Федерации.

В условиях пандемии коронавирусной инфекции вопросы реализации права на образование приобрели особую актуальность. Для борьбы с COVID-19 возникла необходимость общего перехода на дистанционный формат образовательного процесса. Поскольку переход был вынужденным, и образовательные учреждения, и обучающиеся, и их родители столкнулись с рядом сложностей.

В современных условиях очевидна необходимость усиления прокурорского надзора за соблюдением права на образование, в том числе и в дистанционной форме. Конечно, деятельность про-

куроров в условиях пандемии ограничена, в частности, уменьшено количество выездных проверок, однако эффективность прокурорского надзора в рассматриваемом направлении не должна снижаться.

На это ориентирует и Генеральный прокурор Российской Федерации: на особом контроле прокуратуры находятся результаты рассмотрения обращений граждан, связанных с получением их детьми образования в дистанционной форме.

Проводимый анализ свидетельствует, что зачастую возникающие проблемы обучения оперативно разрешаются прокурорами субъектов Российской Федерации во взаимодействии с созданными в регионах и муниципальных образованиях штабами по реализации мер по профилактике распространения COVID-19.

Однако уже сейчас прокурорами выявляются нарушения прав на образование, обусловленные ограничениями ввиду борьбы с распространением коронавирусной инфекции.

Особое внимание в современной ситуации необходимо уделить обеспечению доступности образования. Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что должна быть обеспечена как экономическая доступность образования (в частности, установление бесплатного начального образования), так и физическая, под которой понимают безопасную физическую досягаемость образования либо посредством посещения учебного заведения, находящегося на разумном географическом удалении, либо путем получения доступа к современным технологиям¹. В современных условиях пандемии возможность обучения школьников и студентов напрямую связана с использованием электронных образовательных ресурсов, поэтому следует обращать особое внимание на выявление фактов ограничения прав на получение

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

образования, в первую очередь ввиду отсутствия технического оснащения обучающегося.

Например, прокуратурой г. Кировска Мурманской области при проверке общеобразовательной гимназии установлено, что двое учеников, проживающих в одной семье, не имели технической возможности для дистанционного обучения. Согласно разработанным школой индивидуальным планам обучения учеников получение заданий осуществлялось через домашний почтовый ящик, а отправка выполненных заданий – через почтовый ящик гимназии, расположенный на входе в образовательную организацию. Однако такой способ обучения не соответствует режиму повышенной готовности в связи с угрозой распространения на территории Мурманской области новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и препятствует получению детьми образования в условиях, направленных на охрану их жизни и здоровья.

По результатам рассмотрения представления прокурора г. Кировска, внесенного директору образовательной организации, дети обеспечены ноутбуком с целью реализации обучения в дистанционной форме.

По представлению прокуратуры г. Казани Республики Татарстан, внесенному руководителю муниципального органа управления образованием, в обеспечении дистанционного обучения детей-инвалидов задействовано более 150 ранее приобретенных ноутбуков, которые до этого хранились на складе в нераспечатанном виде либо использовались не для образовательных целей учащихся.

Аналогичные меры реагирования, нацеленные на соблюдение прав детей при организации дистанционного обучения, принимались прокурорами Республики Мордовия, Саратовской области¹.

Выявленные нарушения позволяют прийти к выводу, что в отдельных случаях реализация прав детей на дистанционное обучение обеспечивается лишь благодаря своевременно принятым мерам прокурорского реагирования. В связи с этим очевидна

¹ Генеральной прокуратурой Российской Федерации контролируется соблюдение прав учащихся на получение образования в дистанционной форме, в том числе в условиях распространения коронавирусной инфекции. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1835622/> (дата обращения: 30.04.2020).

необходимость принятия более активных действий по активизации контролирующих органов в сфере образования.

Кроме того, усиления прокурорского надзора требуют также тесно связанные с образовательным процессом вопросы обеспечения социально незащищенных обучающихся мерами социальной поддержки, например продуктовыми наборами.

Так, прокуратура Северо-Эвенского района в ходе проверки организации питания учеников в период дистанционного обучения в деятельности МКОУ «Школа-интернат им. Д.Б. Закирова п. Эвенск» установлено, что наборы продуктов, выдаваемые школьникам из многодетных и малообеспеченных семей, а также детям-инвалидам, не соответствовали требованиям о количестве, разнообразии продуктового набора, установленным санитарным законодательством. Расчеты потребности в продуктах питания в соответствии с действующим законодательством образовательным учреждением не произведены, продукты образовательной организацией не закупались. Данные факты свидетельствовали о нарушении прав несовершеннолетних на охрану и укрепление здоровья при организации питания, не способствуя нормальному развитию обучающихся. В связи с этим прокурор района внес представление, которое удовлетворено, директор образовательного учреждения привлечен к дисциплинарной ответственности.

Школьникам из многодетных и малообеспеченных семей, а также детям-инвалидам выданы наборы продуктов, соответствующие санитарным нормам. Ситуация по обеспечению питанием школьников в период дистанционного обучения также находится на контроле органов прокуратуры¹.

Деятельность прокуратуры в период пандемии не должна ограничиваться лишь выявлением нарушений в организации и осуществлении дистанционного образовательного процесса, важно также разъяснять сложные правовые моменты для поднадзорных объектов – образовательных учреждений для предотвращения фактов несоблюдения прав учащихся. Положительна также практика организации горячей линии по вопросам дистанционного

¹ Прокуратурой района пресечено нарушение прав учащихся при организации питания в период дистанционного обучения. URL: <http://magoblproc.ru/news/even/8717-prokuraturoy-rayona-presecheno-narushenie-prav-uchaschihsya-pri-organizacii-pitaniya-v-period-distancionnogo-obucheniya.html> (дата обращения: 09.04.2020).

обучения, которую реализуют прокуратуры г. Санкт-Петербурга, Республики Алтай, Ненецкого автономного округа.

Таким образом, прокурорский надзор в сфере реализации образовательными организациями образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования на дому с применением дистанционных образовательных технологий по-прежнему остается эффективным механизмом выявления и устранения нарушений права на образование. Социальная значимость права на образование и действующее законодательство обуславливают особое место прокуратуры среди государственных органов, обеспечивающих его реализацию¹.

А.Ю. Усов,
доцент кафедры Иркутского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

О перспективах развития взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации с Конституционным Судом Российской Федерации

В теории прокурорской деятельности длительное время ведется дискуссия о необходимости предоставления Генеральному прокурору Российской Федерации права на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), а также наделения правом присутствовать на любом из его заседаний и излагать свою позицию по всем рассматриваемым вопросам². Ранее такие полномочия устанавливались Законом СССР от 23.12.1989 № 972-1 «О конституционном надзоре в

¹ Косова О.Ю. Обеспечение доступности образования для несовершеннолетних // Законность. 2017. № 4.

² Евдокимов К.Н. Участие прокурора в конституционном судопроизводстве и совершенствовании конституционного правосудия в Российской Федерации // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2019. № 1 (69).

СССР» и Законом РСФСР от 12.07.1991 № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР».

Вместе с тем идея закрепления в ст. 125 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) права Генерального прокурора Российской Федерации на обращение в Конституционный Суд не нашла отражения и в поправках к Конституции РФ, вступивших в силу 4 июля 2020 г.

Более того, действующей редакции Конституции Российской Федерации не соответствует п. 6 ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) и постановление Конституционного Суда от 18.07.2003 № 13-П, согласно которым Генеральный прокурор Российской Федерации имеет право обратиться в Конституционный Суд.

Таким образом, с учетом изменений, внесенных в Конституцию РФ, особую актуальность представляет научное исследование тенденций участия органов прокуратуры в конституционном судопроизводстве.

Прежде всего, следует отметить, что уже сегодня не совсем корректно говорить о необходимости восстановления полномочий Генерального прокурора Российской Федерации по обращению в Конституционный Суд в том виде, в котором они были закреплены в ранее действовавшем законодательстве, когда необходимость участия Генерального прокурора в конституционном судопроизводстве была обусловлена осуществлением особого рода надзора за исполнением законов всеми судами, «с учетом норм процессуального законодательства, поскольку наличие у прокуроров полномочий по принесению протестов (позднее – внесению представлений) расценивалось в качестве логичного следствия того, что в предмет прокурорского надзора входит и деятельность судов»¹.

В соответствии с действующим в настоящее время законодательством органы прокуратуры не осуществляют надзор за исполнением законов судами, однако находятся в «тесном взаимодействии с Конституционным Судом для достижения общих це-

¹ Козлов А.Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации: общая часть: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 2.

лей по укреплению законности, защиты интересов общества и государства»¹.

В целях повышения эффективности взаимодействия с Конституционным Судом Генеральным прокурором Российской Федерации учреждена должность и определены основные обязанности полномочного представителя Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде.

Действительно, деятельность органов прокуратуры и Конституционного Суда неразрывно связана, это проявляется в том, что полномочия данных органов власти в сфере обеспечения соблюдения Конституции Российской Федерации взаимно дополняют друг друга.

Во-первых, органы прокуратуры не уполномочены осуществлять надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением действующих на территории России законов рядом органов власти². Однако в отношении этих органов власти Конституционный Суд компетентен осуществлять конституционный контроль посредством реализации конституционного судопроизводства. Поэтому полагаем, что в случае выявления признаков неконституционности нормативных актов, изданных органами власти, в отношении которых прокурорский надзор не реализуется (к примеру, в случае выявления признаков несоответствия федерального закона Конституции РФ), информация об этом должна направляться в органы власти, наделенные в соответствии со ст. 125 Конституции РФ правом направлять запрос в Конституционный Суд.

Во-вторых, Конституционный Суд разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов, указанных в ст. 125 Конституции РФ. В свою очередь, органы прокуратуры проверяют на соответствие Конституции РФ и действующим на территории Российской Федерации законам все

¹ Безрукавая Н.И. К вопросу о правовой природе участия прокурора в рассмотрении дел судами // Роль государства в обеспечении прав и свобод человека: эволюция и перспективы развития: материалы регионального науч.-практ. круглого стола 14 декабря 2017 г. Симферополь, 2017.

² Усов А.Ю. Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с государственными органами, в отношении которых не осуществляется прокурорский надзор: монография. Иркутск: Иркут. юрид. ин-т (фил.) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. С. 4.

остальные нормативные акты, изданные органами власти, указанными в ст. 1, 21 Закона о прокуратуре. Исключением из этого является надзор за соответствием Конституции РФ и федеральным законам конституций республик, уставов, законов субъектов Российской Федерации, которые входят в предмет проверки и Конституционного Суда.

В-третьих, органы прокуратуры, выявляя случаи несоблюдения Конституции РФ и добиваясь мерами прокурорского реагирования устранения данных нарушений, причин и условий, им способствующих, обеспечивают снижение количества обращений, поступающих в Конституционный Суд.

Таким образом, органы прокуратуры не могут действовать изолированно от Конституционного Суда, более того, их взаимодействие является объективно необходимым, обязательным условием обеспечения соблюдения Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем с учетом поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации, требуется совершенствование организации деятельности органов прокуратуры, в том числе и в сфере взаимодействия органов прокуратуры с Конституционным Судом.

В соответствии с ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд проверяет на основании жалобы гражданина на нарушение конституционных прав и свобод (если были исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты) либо на основании запроса судов конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации.

В связи с этим полагаем, что прокурор, участвующий в рассмотрении уголовных, гражданских, арбитражных, административных дел судами, в случае выявления признаков неконституционности нормативных актов, указанных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, должен ходатайствовать перед судом о направлении запроса в Конституционный Суд для проверки конституционности этих актов. Закрепление такой обязанности прокурора позволит ориентировать суд на обращение в Конституционный Суд, не дожидаясь факта исчерпания гражданином иных внутригосударственных средств судебной защиты.

Подводя итог, отметим, что внесенные в Конституцию Российской Федерации изменения обуславливают необходимость корректировки Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», закона о прокуратуре, а также иных правовых и организационных основ взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации с Конституционным Судом на основе наилучших достижений науки в сфере судебной, прокурорской, правозащитной и правоохранительной деятельности.

А.И. Халиуллин,
научный сотрудник НИИ
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Некоторые криминологические особенности незаконного оборота персональных данных пользователей сервисов каршеринга

Коммерческие сервисы краткосрочной аренды автомобилей «каршеринг» стали флагманским направлением развития экономики совместного потребления в Российской Федерации. По экспертным оценкам, к 2025 г. 10% от всех автомобилей в Российской Федерации будет сосредоточено в сервисах каршеринга¹.

В текущий момент согласно результатам социологического исследования среди владельцев личных автомобилей, проживающих в городах-миллионниках, существует устойчивый спрос на услуги каршеринга: 25% опрошенных готовы частично или полностью отказаться от личного автомобиля, а 18% – рассматривают каршеринг (машина напрокат) как основную замену автомобиля лично для себя².

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.04.2018 № 831-р (Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года) // СПС «Гарант».

² Социологическое исследование ВЦИОМ и Яндекс.такси «Личное авто: отказаться нельзя оставить?» от 22.05.2018. URL: <https://clck.ru/MVuZ7> (дата обращения: 18.03.2020).

Фундаментальной основой взаимодействия сервисов каршеринга с пользователями выступает дистанционный способ заключения и исполнения договоров оказания услуг посредством использования специализированного мобильного приложения. Вместе с тем существующие технологические и организационные решения не позволяют обеспечить абсолютную достоверную идентификацию лица, заключающего договор оказания услуг с сервисом каршеринга¹.

Исследователями отмечается кратное увеличение числа учетных записей в сервисах каршеринга, созданных с незаконным использованием чужих персональных данных либо поддельных документов². При этом, по информации сервисов каршеринга, решение об отказе принимается в среднем лишь по 10% обращений о регистрации новых пользователей³.

Относительно низкое чувство ответственности за соблюдение правил дорожного движения и за возможное повреждение арендованного автомобиля⁴ способствовало активному блокированию сервисами каршеринга пользователей, нарушающих правила дорожного движения, с агрессивным стилем вождения, а также привлеченных к ответственности за управление автомобилем в состоянии опьянения либо имеющих непогашенные штрафы за нарушение правил дорожного движения.

Основу аудитории, формирующей незаконный спрос на персональные данные легитимных пользователей сервисов каршеринга, составляют лица, использующие возможности анонимной аренды автомобилей в связи с отказом в предоставлении им услуг каршеринга (заблокированные пользователи), с совершением преступлений, с ранее имевшим место лишением права управ-

¹ Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 12.

² Бажина М.А., Косьяненко Е.М. Правовые аспекты обработки персональных данных в сфере транспортного обеспечения физических лиц // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 2.

³ Система выдает отказ 10% пользователям каршеринга в Москве при регистрации. URL: <https://tass.ru/moskva/6261491> (дата обращения: 04.03.2020).

⁴ Малиновский М.П., Аракелян Т.К. Каршеринг: проблемы участников и сторонних лиц // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018. № 3 (17).

ления транспортными средствами, отсутствием водительских прав, в том числе в силу возраста¹.

Высокий уровень востребованности сервисов каршеринга предопределил появление в информационно-телекоммуникационных сетях «теневого рынка» учетных записей их пользователей. В поисковых системах информационно-телекоммуникационных сетей по запросу «купить аккаунт каршеринга» можно обнаружить наличие более 15 млн сайтов с соответствующей информацией и более 2000 обращений только за март 2020 г. от других пользователей сети «Интернет» с подобным запросом².

Обращение к материалам судебной практики показывает значительный разброс стоимости персональных данных пользователей сервисов каршеринга, незаконно приобретаемых в информационно-телекоммуникационных сетях: от 400 руб.³ до 5000 руб.⁴ Основным источником информации о предложениях по незаконной купле-продаже персональных данных пользователей каршеринга выступили тематические группы мобильных мессенджеров, преимущественно в сети Telegram.

Характерный пример: 12 марта 2020 г. в г. Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ, по факту незаконной регистрации с использованием специальных компьютерных программ на подставных лиц учетных записей сервисов каршеринга в целях их дальнейшей продажи. По версии следствия, в период с июня по октябрь 2019 г. для регистрации в сервисах каршеринга в сети «Интернет» приобретались фотокопии паспортов и водительских удостоверений, созданные впоследствии с их использованием учетные записи пользователей продавались через объяв-

¹ Халиуллина Л.Г. Особенности использования участниками незаконного оборота наркотических средств сервисов краткосрочной аренды автомобилей // Наркоконтроль. 2020. № 2. С. 56.

² Поисковый яндекс-запрос «купить аккаунт каршеринга». URL: <https://clck.ru/MVtFv> (дата обращения: 17.03.2020).

³ Постановление Кузьминского районного суда г. Москвы от 11.09.2018 № 1-655/18-19с в отношении гр. Ж.А.А. по ч. 1 ст. 166 УК РФ // ГАС «Правосудие». URL: <https://clck.ru/MW5Af> (дата обращения: 17.03.2020).

⁴ Приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 30.01.2019 № 1-52/2019 в отношении гр. Т.А.А. по ч. 1 ст. 166 УК РФ // ГАС «Правосудие». URL: <https://clck.ru/MW5Af> (дата обращения: 17.03.2020).

ления в чатах мобильных мессенджеров по цене от 2 тыс. до 5 тыс. руб.¹

В материалах судебной практики содержатся сведения, указывающие на факторы, влияющие на ценообразование на «теневом рынке» персональных данных пользователей сервисов каршеринга: наличие сведений о банковской карте, неизрасходованных бонусных баллах или денежных средствах в учетной записи пользователя; степень активности в сервисе законного пользователя; распространенность автомобилей сервиса каршеринга, степень активности служб безопасности сервисов.

На «теневом рынке» в более доступном ценовом сегменте (от 35 руб.) представлены наборы готовых фотокопий документов, в том числе фотография в анфас человека с принадлежащим ему паспортом, раскрытым на странице с фотографией («селфи») для самостоятельной дистанционной регистрации в сервисах каршеринга под именем других людей.

Другим незаконным источником регистрационных данных пользователей сервисов каршеринга выступает неправомерный доступ к мобильным приложениям данных сервисов с целью их последующего несанкционированного использования. Экспертами информационной безопасности «Лаборатории Касперского» отмечена уязвимость мобильных приложений сервисов «каршеринга» для следующих компьютерных атак: перехват данных, которыми приложение обменивается с сервером; подбор автоматически выданных паролей; перекрытие интерфейса приложения фальшивым окном; запуск на рутованных устройствах и внедрение вредоносного кода².

Несмотря на проблемы в обеспечении информационной безопасности мобильных приложений сервисов каршеринга, предпринимаемые усилия по их разрешению остаются недостаточными. Например, 27 февраля 2020 г. распространено предупреждение об утечке персональных данных и копий документов пользователей двух относительно небольших сервисов карше-

¹ Официальное сообщение ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://clck.ru/MVtxo> (дата обращения: 03.03.2020).

² «Лаборатория Касперского» обнаружила потенциальные угрозы в каршеринговых приложениях. URL: <https://clck.ru/MNdUv> (дата обращения: 03.03.2020).

ринга и последовавших массовых незаконных регистрациях с их использованием в других сервисах каршеринга¹.

Мы не исключаем внутренних угроз в системах безопасности сервисов каршеринга, информация о которых в настоящее время отсутствует в судебной и следственной практике. Вместе с тем биологическая угроза распространения коронавирусных инфекций привела к приостановлению деятельности сервисов каршеринга, что повышает вероятность банкротства относительно небольших сервисов, не обладающих существенными финансовыми ресурсами. В краткосрочной перспективе изложенное вызывает наибольшие опасения в сфере обеспечения безопасности персональных данных пользователей сервисов каршеринга.

Таким образом, современные технологические решения не позволяют достоверно идентифицировать пользователей сервисов каршеринга при дистанционном заключении и исполнении соответствующих договоров оказания услуг. Возможность анонимной незаконной аренды автомобилей сервисов каршеринга способствовала появлению «теневого рынка» персональных данных их пользователей.

Спрос на данном «теневом рынке» формируется лицами: доступ, которым к этим услугам закрыт в связи с совершением правонарушений (преступлений) либо злостным нарушением правил таких сервисов; не имеющими права управления транспортными средствами в силу возраста, медицинского диагноза либо отсутствия водительских прав; использующими арендованный автомобиль для совершения иного преступления.

Основные криминальные услуги в сфере незаконного оборота персональных данных пользователей сервисов каршеринга связаны с незаконным предоставлением: доступа к учетным данным другого пользователя; доступа к учетным данным другого пользователя с возможностью оплаты услуг с его банковской карты; готовых наборов фотокопий документов и фотографий другого пользователя для самостоятельной регистрации в сервисах.

¹ Массовая утечка данных пользователей каршеринговых компаний. URL: <https://clck.ru/MWYVh> (дата обращения: 17.03.2020).

Источниками учетных данных пользователей сервисов каршеринга выступают незаконные регистрации с использованием чужих персональных данных либо подложных документов, а также неправомерный доступ к компьютерной информации мобильных приложений данных сервисов. В краткосрочной перспективе наибольшие риски обеспечения безопасности персональных данных пользователей сервисов каршеринга связаны с вероятностью банкротства коммерческих организаций, которые не смогут возобновить деятельность после отмены режима самоизоляции граждан.

В.В. Цывинская,
старший помощник прокурора
Эжвинского района города Сыктывкара
прокуратуры Республики Коми,
аспирант Университета прокуратуры
Российской Федерации

Особенности осуществления прокурором функции уголовного преследования в ходе рассмотрения судом уголовного дела

В уголовно-процессуальном законе установлены три функции участников уголовного судопроизводства: обвинения (уголовного преследования), защиты от обвинения и разрешения уголовного дела. Участники уголовного судопроизводства, выполняющие функцию обвинения (уголовного преследования) либо функцию защиты от обвинения, именуются сторонами (п. 45 ст. 5 УПК РФ).

Статья 15 УПК РФ, раскрывающая принцип состязательности сторон, называет также функцию разрешения уголовного дела, возложенную законом на суд, который не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. Суд создает необходимые условия для реализации и исполнения сторонами их прав и обязанностей.

Вместе с тем, как обоснованно отмечает В.Н. Исаенко, отсутствие в ст. 5 УПК РФ содержания понятия уголовно-процессуальной функции представляется некоторым пробелом в законе¹.

Уголовно-процессуальные функции участников уголовного судопроизводства не тождественны сумме их прав и обязанностей. В теории уголовного процесса под функциями участников уголовного судопроизводства обычно понимают основные направления их процессуальной деятельности, в которых выражается специальная роль и назначение участников судопроизводства². Участники уголовного судопроизводства реализуют свои функции при осуществлении имеющихся в силу закона прав и обязанностей в установленном порядке.

Несмотря на то что законом на прокурора возложена функция уголовного преследования, вопрос о его статусе в уголовном процессе до сих пор является дискуссионным.

Среди ученых-юристов имеются разные точки зрения по вопросу о функциях прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Приведем позиции ученых, которые считают, что в судебном производстве по уголовному делу прокурор является исключительно стороной обвинения.

Так, М.С. Строгович указывает, что «в судебном разбирательстве прокурор – это обвинитель и именно обвинитель, сторона обвинения. Обвинитель приходит в суд для того, чтобы обвинять, доказывать виновность подсудимого, настаивать на применении к нему заслуженного наказания. Прокурор занимает процессуальное положение стороны и только стороны, его процессуальное положение характеризуется тем, что он – сторона, имеющая против себя равноправную сторону защиты»³. Сходное мнение выразил И.Д. Перлов, который считает, что «поддержание обвинения в суде – вот та процессуальная функция, исполнение

¹ Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 1. С. 183.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 90.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1969. С. 209.

которой определяет процессуальное положение, роль и место прокурора в судебном процессе»¹.

Некоторые ученые-процессуалисты относят поддержание государственного обвинения в суде к разновидности прокурорского надзора. Например, В.И. Басков считает, что «прокурор осуществляет надзор за законностью не только тогда, когда он дает заключение по возникающим вопросам, но и тогда, когда поддерживает обвинение»². Кроме того, по его мнению, признание за прокурором только функции обвинения и отрицание обязанности осуществлять надзор за соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел судами, а также утверждение о самостоятельности не характерно для отечественного уголовного процесса³.

Распространена точка зрения, согласно которой в судебном разбирательстве по уголовному делу прокурор является не только обвинителем, но и представителем органа, осуществляющего надзор за соблюдением законности⁴. Надзорная функция является составляющей участия прокурора в суде.

Еще Н.В. Муравьев утверждал, что «на момент учреждения и ближайшего к этому времени прокурор обладал чисто надзорными полномочиями. В последующее время появляется и функция уголовного преследования, в силу которой прокурор поддерживает государственное обвинение, представляя обстоятельства, свидетельствующие о наличии вины обвиняемого»⁵.

Полагаем, что рассмотрение вопроса о функциях прокурора в уголовном процессе невозможно без обращения к понятию уголовного преследования.

Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

¹ Перлов И.Д. Судебное следствие в судебном уголовном процессе. М., 1955. С. 107.

² Басков В.И. Прокурорский надзор за рассмотрением уголовных дел в судах. М., 1985. С. 78.

³ Басков В.И. Теоретические проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел. М., 1973. С. 56.

⁴ Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 79.

⁵ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889. С. 325.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор от имени государства осуществляет уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Содержание уголовно-процессуальных функций прокурора различается в зависимости от того, в какой стадии ведется уголовный процесс. Из результатов анализа приведенных положений закона следует вывод, что в ходе досудебного производства по делу прокурор осуществляет функцию уголовного преследования путем реализации полномочий по надзору за предварительным расследованием уголовного дела.

Государственное обвинение соотносится с уголовным преследованием как часть и целое: именно так реализуется функция прокурора по изобличению виновного лица в ходе рассмотрения уголовного дела судом.

Ф.Н. Багаутдиновым обоснованно отмечено, что понятие обвинения более узкое, чем понятие уголовного преследования, поскольку:

уголовное преследование может начинаться с момента возбуждения уголовного дела, а обвинение, как правило, предъявляется позже;

сущность уголовного преследования, его направленность и задачи не меняются в ходе расследования;

наличие уголовного преследования не всегда предполагает обязательное предъявление обвинения, предъявление обвинения не означает завершения уголовного преследования¹.

В отличие от стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования уголовного дела в ходе судебного производства прокурор является единственным лицом, обладающим специальными знаниями и соответствующими полномочиями, которое выступает на стороне обвинения. Таким образом, функция уголовного преследования в ходе судебного производства по уголовному делу трансформируется в поддержание государственного обвинения.

¹ Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений: монография. М., 2004. С. 27.

Согласно ч. 3 ст. 37 УПК РФ в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Кроме того, прокурор вправе отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения (ч. 4 ст. 37 УПК РФ).

В теоретической концепции трех функций (обвинения, защиты и разрешения уголовного дела) бесспорным является утверждение о невозможности смешения функции разрешения уголовного дела и функции защиты как между собой, так и с другими функциями. Безусловно, правосудие осуществляется только судом, который не может вести деятельность, направленную на изобличение лица. В случае же совмещения судом функций преследования и разрешения дела цели правосудия не будут достигнуты, поскольку первоначальные задачи обвинения никуда не исчезнут и в ходе судебного рассмотрения дела суд, будучи незаинтересованным в его объективном исходе, продолжит реализовывать функцию уголовного преследования, стараясь завершить работу по привлечению установленного лица к уголовной ответственности, начатую в ходе предварительного расследования. Не вызывает сомнения и невозможность выполнения защитником функций по обвинению своего доверителя. Расхождение позиции защитника с позицией подсудимого является существенным нарушением права на защиту и влечет отмену приговора.

Между тем при рассмотрении уголовного дела судом функция уголовного преследования (поддержания государственного обвинения) может пересекаться с функцией защиты, что прямо предусмотрено законом, поскольку при рассмотрении уголовного дела прокурор обеспечивает законность и обоснованность обвинения. Кроме того, ч. 7 ст. 246 УПК РФ устанавливает обязанность государственного обвинителя мотивированно отказаться от обвинения в случае, если им будет установлено, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

При этом государственный обвинитель не связан позицией органов предварительного расследования, окончивших уголовное преследование составлением обвинительного заключения (акта, постановления) по уголовному делу, а также позицией прокуро-

ра, принявшего итоговое решение по делу и направившего его в суд. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» прямо предписано считать недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами.

В связи с изложенным, реализуя таким образом функцию уголовного преследования и реагируя надлежащим образом на нарушения, допущенные иными участниками судопроизводства, в том числе в ходе досудебного производства по делу, прокурор в ходе поддержания государственного обвинения также осуществляет надзор за соблюдением законности.

Д.В. Цыганов,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Актуальные проблемы расследования и поддержания государственного обвинения по делам о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов

Российская Федерация занимает лидирующие позиции в добыче водных биологических ресурсов и стабильно входит в первую пятерку рыболовных держав мира. Экспорт рыболовной продукции за 11 месяцев 2019 г. из России составил 2,7 млрд долл., что является рекордным показателем за последние 26 лет¹. Приведенные данные свидетельствуют о достаточно высокой рентабельности рыбохозяйственной отрасли, что в свою очередь делает ее привлекательной не только для бизнеса, но и для криминальной среды. Весьма показательны в этом плане данные

¹ *Экспорт* рыбы из России. URL: <https://seanews.ru/2020/01/16/ru-jeksport-ryby-iz-rossii/> (дата обращения: 27.01.2020).

Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствующие о росте рассмотренных уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 256 УК РФ. В 2016 г. таких дел рассмотрено 5033, в 2017 г. – 5097, а в 2018 г. – уже 5328 уголовных дел¹.

Вместе с тем результаты анализа судебно-следственной практики свидетельствуют о затруднениях, которые испытывают правоприменители при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, в частности при установлении не только места совершения преступления, но и его специфических признаков (например, является ли оно местом нереста или миграционным путем к нему, особо охраняемой природной территорией, зоной экологического бедствия либо зоной чрезвычайной экологической ситуации); факта применения самоходного транспортного плавающего средства, взрывчатых и химических веществ, электротока или других запрещенных орудий и способов массового истребления водных биологических ресурсов, которые постоянно технически совершенствуются, становятся более эффективными, подлинности (действительности) «разрешительных» документов (лицензий, договоров), а также размера причиненного ущерба (поскольку рассматриваемое деяние в подавляющем большинстве случаев совершается в труднодоступных местах, достаточно отдаленных от населенных пунктов, что осложняет установление упомянутых обстоятельств).

Отсутствие необходимых знаний и навыков у сотрудников органов предварительного расследования приводит к довольно серьезным ошибкам. Так, недостаточное знание правоприменителями специфики рассматриваемого деяния, обусловленной бланкетностью диспозиции ст. 256 УК РФ и множественностью нормативных правовых актов, регламентирующих порядок промышленной, любительской, спортивной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, нередко предопределяет недоказанность отдельных эпизодов преступной деятельности, в том числе по причине неправильного применения или толкования норм права. В первую очередь речь идет о сложностях доказывания фактов

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.03.2020).

изъятия водных биологических ресурсов из среды обитания и (или) завладения ими в нарушение норм экологического законодательства (например, при отсутствии полученного в установленном законом порядке разрешения, в нарушение положений, предусмотренных таким разрешением, в запрещенных районах, в отношении отдельных видов запрещенных к добыче (вылову) водных биологических ресурсов, в запрещенное время, с использованием запрещенных орудий лова).

Указанные обстоятельства в значительной степени обуславливают трудности, с которыми сталкиваются практические работники в процессе расследования рассматриваемого преступления, а также порождают проблемы при поддержании государственного обвинения. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты анализа не только судебно-следственной практики, но и опроса прокуроров городов и районов, заместителей, старших помощников и помощников прокуроров городов и районов, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа, согласно которым 87% респондентов неудовлетворительно оценивают качество предварительного расследования незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Вследствие чего 93% респондентов отметили неполноту доказательств, которые прокурор может представить суду.

Ошибки, допущенные и не выявленные в ходе предварительного расследования, существенно затрудняют дальнейшее поддержание государственного обвинения. В процессе судебного следствия не всегда находят подтверждение такие обстоятельства, как способ, место и время преступления, количество соучастников, их роль в подготовке и совершении преступления, размер причиненного ущерба и др. В результате отдельные эпизоды преступной деятельности остаются недоказанными, а противоправные действия подсудимых квалифицируются судом как преступление меньшей тяжести. Прокурорам приходится восполнять недостатки расследования, в том числе инициировать производство судебных экспертиз в дополнение к уже проведенным в процессе расследования, вновь привлекать специалистов, допрашивать экспертов для разъяснения отдельных вопросов и т.д.

Определенные сложности у государственных обвинителей возникают при решении судьбы вещественных доказательств, в частности незаконного улова, который может подлежать как уничтожению, так и передаче уполномоченному органу для реализации.

Так, апелляционным постановлением суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.12.2019 по апелляционному представлению заместителя прокурора Ямало-Ненецкого автономного округа изменен приговор Ямальского районного суда по ч. 3 ст. 256 УК РФ в части судьбы вещественных доказательств. Исключено указание суда первой инстанции об уничтожении вещественного доказательства – рыбы видового состава «муксун» в количестве 232 особей, которую постановлено передать уполномоченному органу для реализации.

Вышестоящий суд согласился с доводами апелляционного представления, указав, что при разрешении вопроса о судьбе вещественного доказательства судом первой инстанции не приняты во внимание положения ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», согласно которым порядок реализации и уничтожения безвозмездно изъятых или конфискованных водных биоресурсов, продуктов их переработки, а также перечень водных биоресурсов, подлежащих уничтожению, устанавливается Правительством Российской Федерации.

В перечне безвозмездно изъятых или конфискованных водных биологических ресурсов, которые в случае, если их физическое состояние не позволяет вернуть их в среду обитания, подлежат незамедлительному уничтожению, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2007 № 367, муксун не отнесен к числу водных биологических ресурсов, подлежащих незамедлительному уничтожению в случае ненадлежащего физического состояния, не позволяющего вернуть рыбу в среду обитания.

Поскольку из материалов уголовного дела следовало, что изъятый муксун передан на хранение, при этом сведения о невозможности его реализации отсутствовали, рыба подлежала передаче уполномоченному органу для реализации, а не уничтожению.

Особую специфику на деятельность государственного обвинителя накладывает осуществление исковой работы по возмещению вреда, причинного преступлением, заключающейся в установлении причинно-следственной связи между преступлением и вредом как отрицательным последствием, наступившим в результате совершения этого деяния. Так, определенные сложности вызывает необходимость дополнительных расчетов, связанных с установлением размера вреда, учет частичного добровольного возмещения имущественного ущерба при расчете размера исковых требований, установления надлежащего ответчика, несущего ответственность за вред, причиненный преступлением. Упомянутые вопросы зачастую не могут быть разрешены государственным обвинителем при рассмотрении иска в порядке, предусмотренном ст. 44 УПК РФ, без привлечения специалистов соответствующего профиля.

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о необходимости тщательной подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, в первую очередь, путем внимательного изучения материалов уголовного дела с целью оценки доброкачественности и достаточности доказательственной базы, установления наличия (отсутствия) в ней пробелов, их характера.

А.И. Черненко,
студент 2 курса
Российского государственного
университета правосудия

К вопросу о применении смертной казни в Российской Федерации

«Смерть гражданина может считаться необходимой по двум только причинам: когда он обладает такими связями и могуществом, что это угрожает безопасности нации, и если только смерть человека не будет единственным средством удержать других от совершения преступления», – так считал Ч. Беккариа¹.

Такой вид наказания, как смертная казнь, вызывает у человечества неоднозначное мнение. Но результаты статистических опросов показывают, что большинство российского населения придерживается позиции возвращения применения смертной казни. Например, в 2012 г. 66% россиян выступали за возвращение смертной казни², в 2019 г. 52% жителей России заявили, что они за применение такого вида наказания³.

Применение смертной казни в современных российских реалиях приостановлено, хотя она упоминается как вид наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации и предусмотрена за особо тяжкие преступления: за совершение убийства (ст. 105), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 296), сотрудника правоохранительного органа (ст. 317), геноцид (ст. 357).

Действующая редакция Конституции Российской Федерации в ст. 20 закрепляет, что смертная казнь вплоть до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. URL: <http://www.index.org.ru/turma/in/bekka-ria.htm> (дата обращения: 23.02.2020).

² Смертная казнь в России: «за» и «против». URL: <http://prisonlife.ru/analitika/482-smertnaya-казнь-v-rossii-za-i-protiv-opros-fom.html> (дата обращения: 23.02.2020).

³ Опрос показал, сколько россиян выступают за возвращение смертной казни. URL: <https://ria.ru/20191101/1560486013.html> (дата обращения: 23.02.2019).

жизни людей. Хотя Указом Президента Российской Федерации в 1996 г. и определением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 применение смертной казни приостановлено. Существует правовая неопределенность между законодательством Российской Федерации разного правового уровня по поводу применения смертной казни. Отсюда множество мнений по поводу вопроса применения смертной казни. Так, в XX в. вступили в противоборство две господствующие теории: «теория устрашения», разработанная И. Эрлихом, согласно которой смертная казнь выступает превентивной мерой совершения новых преступлений, вызывающая страх смерти, и «теория ожесточения» Г. Пирса и У. Боверс, утверждающие, что введение смертной казни ведет к большей криминализации общества¹.

Из этого следует, что, пока не будет урегулирован вопрос о смертной казни, не будет окончательно закреплено в акте, обладающем высшей юридической силой России, полного запрета смертной казни или права на назначение судом смертной казни, существование неоднозначных мнений об этом наказании продолжится.

Необходимо закрепленный в УК РФ вид наказания ввести в действие, но применяться он должен за совершение некоторых преступлений. Например, за преступления против половой неприкосновенности детей до 12 лет, а также за террористические акты в связи с возможной гибелью массы населения, т.е. за преступления против жизни и здоровья человека.

Нет ничего страшнее, когда совершаются убийства беззащитных детей. В российской практике есть примеры, когда матери погибших детей обращались к властям с просьбой восстановить справедливость и применить к убийцам их детей ту же меру, которую когда-то предприняли сами убийцы по отношению к их детям. Так было с Дмитро Вороненко, который на протяжении 2006–2007 гг. в Санкт-Петербурге изнасиловал и затем убил четырех девочек и 20 марта 2008 г. Санкт-Петербургским город-

¹ Турранен В.А. Смертная казнь и ее влияние на преступность: теория, практика и общественное мнение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-i-ee-vliyanie-na-prestupnost-teoriya-praktika-i-obschestvennoe-mnenie/viewer> (дата обращения: 10.03.2020).

ском судом был приговорен к пожизненному лишению свободы¹. Впоследствии родители погибших девочек обращались в Верховный Суд Российской Федерации с ходатайством приговорить осужденного к смертной казни, но решение городского суда суд высшей инстанции оставил без изменения, напомнив родителям о моратории.

Какова же цель у этих родителей и остальных, кто обращался с таким предложением в Верховный Суд? Эти люди хотят обезопасить остальных детей. Если же человек совершает преступление против жизни и здоровья другого человека, то он признает свою власть над ним, т.е. создает право вершить судьбу других людей. Почему же этим правом не может воспользоваться государство по отношению к таким лицам и тем самым обезопасить остальную часть населения? Ведь население ждет ответной реакции государства, реализации принципа неотвратимости наказания.

Также представляется возможным введение смертной казни для тех лиц, которые судом приговорены к пожизненному лишению свободы, но, уже находясь в исправительных учреждениях, совершают преступление. То есть ч. 1¹ ст. 57 необходимо представить следующим образом: «Смертная казнь, как исключительная мера, должна устанавливаться пожизненно лишенным свободы за совершение преступления в местах лишения свободы».

Как показывает практика, лица, находящиеся в уголовно-исправительных учреждениях и приговоренные к пожизненному лишению свободы, понимают свои минимальные возможности на освобождение и идут на совершение преступлений уже внутри этих учреждений, зная, что им уже нечего терять. Их обнадеживает тот факт, что по современному уголовному законодательству тем, кому назначено пожизненное лишение свободы, не может назначаться еще какой-то дополнительный срок или же иные виды наказания. И дабы обуздать подобные мысли, действия, необходимо согласиться с Р.С. Нагорным, который говорил, что «только смерть осужденного дает стопроцентную гарантию того,

¹ *Вороненко* Дмитро Петрович: плачущий негодяй. URL: http://murders.ru/lenta_269.html (дата обращения: 23.02.2020).

что он в будущем больше не совершит преступления»¹. Помещая пожизненно заключенного в исправительное учреждение, государство надеется на его исправление и снижение показателей преступности. Но российская практика показывает обратное. Именно эти лица совершают побег из мест лишения свободы (ст. 313 УК РФ). Таким образом, они доказывают, что приговоренные к пожизненному лишению свободы ищут способ выйти на свободу, а не искупить перед обществом свою вину.

Сейчас в российском обществе сложилось мнение, что пожизненное лишение свободы является эквивалентом смертной казни. Если это так, то соглашусь с профессором А.С. Михлиным, который отмечал необходимость существования наряду с правом на жизнь и права на смерть, которого у нас осужденные лишены². Трудно говорить о том, что смертная казнь – более строгий вид наказания, чем изоляция от общества. Это признают и сами заключенные.

Так, Г.Л. Шубин, осужденный за убийство двух людей Новосибирским областным судом в 1993 г. и приговоренный к смертной казни, затем замененной на пожизненное лишение свободы, обращался в Верховный Суд Российской Федерации с жалобой, в которой заявлял, что пожизненное лишение свободы не является более гуманной мерой наказания. Но определением от 22.09.2011 Верховный Суд Российской Федерации признал пожизненное лишение свободы как акт милосердия, который не может приводить к последствиям, более тяжким для осужденного³. Данный инцидент подтверждает сказанное, что пожизненное лишение свободы осужденными не считается эквивалентом смертной казни. По этой причине В.А. Тирранен предлагает ввести новый вид уголовного наказания – «терминальное наказание», т.е. выбор заключенным вида наказания: между изоляцией от общества или реализации права на смерть, о которой говорил

¹ *Макеева Н.В.* Смертная казнь как мера государственного принуждения: политико-правовой анализ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-kak-mera-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya-politiko-pravovoy-analiz/viewer> (дата обращения: 09.03.2020).

² *Воскобоев А.И.* Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: проблемы применения наказаний. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-i-pozhiznennoe-lishenie-svobody-problemy-primeneniya-nakazaniy/viewer> (дата обращения: 23.02.2019).

³ *Вечность* мягче расстрела. URL: <https://rg.ru/2011/10/31/pomilovanie-site.html> (дата обращения: 23.02.2020).

А.С. Михлин¹. Но следует ли предоставлять такую возможность, если лицо совершило преступление против детей или же террористический акт? На наш взгляд, предоставление такого выбора недопустимо, так как совершение подобных преступлений находится за рамками человечности.

Если же обращаться к опыту зарубежных стран, то, например, в Индии в 2018 г. после резонансного преступления (похищение группой лиц восьмилетней девочки, которую предварительно накачали наркотиками, а затем убили) была введена высшая мера наказания за групповое изнасилование девочек младше 12 лет². Страны СНГ в свою очередь тоже применяют такой вид наказания, как смертная казнь. Так, в Республике Беларусь она может назначаться за совершение террористических актов.

Опираясь на опыт зарубежных государств, предлагается возможным введение смертной казни за совершение террористического акта в Российской Федерации. Конечно, нельзя однозначно говорить о том, что угроза назначения смертного приговора станет щитом, который преградит наступление действий террориста-смертника, того, кто изначально принимает решение лишиться себя и других права на жизнь. Но за исполнителем террористического акта, как правило, стоят организаторы и пособники, которые не берут на себя роль смертников.

Но некоторая правовая неопределенность затрудняет введение в действие данного предложения. Согласно ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель предусматривает за совершение убийства способами, которые установлены в данной статье, назначение наказания в виде смертной казни. При этом за совершение террористического акта, повлекшего умышленное причинение смерти человека, согласно п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ смертная казнь не назначается. С.Н. Потапкин объясняет данную ситуацию тем, что преступления террористического характера предусмотрены не в главе о преступлениях против жизни и здоровья, а в других гла-

¹ Коробеев А.И. Смертная казнь: целесообразность сохранения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-tselesoobraznost-sohraneniya/viewer> (дата обращения: 09.03.2020).

² В Индии введена смертная казнь за изнасилование девочек младше 12 лет. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2007841/> (дата обращения: 09.03.2020).

вах УК РФ¹. Хотя совершение террористического акта всегда сопровождается причинением вреда человечеству в виде наступления массовых смертей.

Может, после перечисленных убедительных доводов общество частично изменит проявления принципа гуманизма по отношению к лицам, которые совершают преступления против жизни и здоровья других? Ведь на кону стоит уже судьба не тех лиц, которые были подвергнуты насилию, а тех, кого в будущем может ожидать подобный злой рок судьбы. В связи с тем, что в период приостановления смертной казни показатели по совершению преступлений не снижаются, помещение преступников в уголовно-исправительные учреждения не дает должного положительного эффекта, разрешение вопроса о возвращении применения смертной казни является актуальной проблемой российского общества и требует немедленного разрешения.

И.А. Шадрин,
доцент кафедры Крымского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Противодействие взяточничеству в контексте антикоррупционной политики государства

В современных условиях общественных и конституционно-политических трансформаций важным условием поддержания стабильности в обществе является эффективное функционирование государственных органов и институтов. Подверженность их, в свою очередь, деструктивному влиянию коррупционных факторов, к наиболее весомым из которых относится распространение взяточничества, негативно сказывается на общем состоянии законности и правопорядка, что в итоге ведет к разбалансирован-

¹ *Потапкин С.Н.* Современное состояние правовой основы противодействия терроризму и направления ее дальнейшего совершенствования (информац.-аналит. материал). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/101079-sovremennoe-sostoyanie-pravovoj-osnovy-protivo-dejstviya-terrorizmu-napravleniya> (дата обращения: 09.03.2020).

ности важных элементов всей государственной системы, их суверенизации и потери управляемости.

Противодействие коррупции и, прежде всего, уголовно наказуемым ее формам необходимо рассматривать в качестве одного из наиболее приоритетных направлений деятельности государства во внутриполитической сфере. В этом, безусловно, стратегическом для будущего России контексте следует говорить о государственной политике противодействия коррупции, подразумевая под ней совокупность реальных организационно-правовых механизмов.

Государственная политика противодействия коррупции производна от общегосударственной внутренней политики и является ее необходимой составляющей или подсистемой. Очевидным при этом является также и то, что внутренняя политика государства может быть успешной только в том случае, если ее цели, а также средства для их достижения понятны и одобряются большинством социума. Таким образом, жизнедеятельность отдельно взятого индивидуума и деятельность отдельных государственных институтов в различных сферах жизни общества взаимосвязаны, а состояние их единства способствует достижению эффективности государственной внутренней политики¹.

Существует непосредственная связь и взаимозависимость между целым – внутренней политикой государства и его подсистемой – политикой противодействия коррупции. Такую взаимосвязь следует рассматривать через призму эффективности государственной внутренней политики, заключающейся в реальной способности государства обеспечивать реализацию прав граждан и их защиту от преступности в целом и от противоправных коррупционных посягательств в частности.

Внутренняя политика государства как комплексная динамическая субстанция представляет совокупность определенных видов деятельности государства (деятельности государства в различных сферах), его структур и институтов. Такая деятельность состоит в организованном и содержательном выражении интересов общества с целью создания оптимальных условий его жизнедеятельности. Следовательно, государственная антикоррупцион-

¹ *Словарь по политологии* / под ред. В.Н. Коновалова. Ростов н/Д., Изд-во РГУ, 2001.

ная политика, которая в своем главном предназначении должна соответствовать базовым внутривластным координатам, имеет своей целью устранение деструктивных факторов коррупции путем системного решения следующих задач:

1) целенаправленного создания общей социальной атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям в обществе;

2) общегосударственной профилактики коррупционных правонарушений путем устранения правовых условий для коррупции;

3) борьбы (противодействия) с коррупцией путем выявления и пресечения коррупционных правонарушений и преступлений, а также расследования и разрешения уголовных дел о таких преступлениях.

Как видим, задачи противодействия коррупции реализуются путем взаимодействия комплекса нормотворческих, организационно-управленческих, общепрофилактических, уголовно-процессуальных, административных, оперативно-розыскных, а также иных мер.

Кроме того, непосредственные задачи, определяющие содержание государственной антикоррупционной политики, относятся преимущественно к правовой и правоохранительной сферам общественно-государственной жизнедеятельности. От правовой сферы, реализуемой в контексте государственной правовой политики, зависит создание необходимых правовых условий, в том числе для антикоррупционной правоприменительной деятельности. При этом антикоррупционное законодательство должно гармонически соответствовать естественной цивилизационной парадигме России, но не противоречить ей¹. В то же время правоохранительная сфера – тот барьер, который обеспечивает нейтрализацию реальных проявлений коррупции.

Таким образом, антикоррупционная политика, являясь неотъемлемой составляющей внутренней политики государства, требует в своей реализации системного подхода, основанного на понимании необходимости комплексного противодействия коррупции во всех сферах жизнедеятельности общества. Это требует

¹ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: прошлое и будущее: учебник / авт. слова к читателю В.М. Филиппов. М.: Ин-т экон. стратегий, 2008.

проработки современной концептуальной основы, учитывающей возможности использования в целях противодействия коррупции всего потенциала государственно-правовых средств и возможностей, апробацию и внедрение эффективных и положительно воспринимаемых обществом новых организационно-правовых моделей.

Преступления, охватываемые понятием взяточничества, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 290, 291, 291¹ и 291² УК РФ, представляют наиболее опасную форму (вид) коррупционной деятельности. Исходя из этого, в комплексе мер антикоррупционной политики государства безусловный приоритет должен отдаваться противодействию уголовной коррупции. В связи с этим актуализируется потребность усовершенствования уголовного закона в части установления ответственности за взяточничество с учетом максимального достижения целей уголовного наказания.

Одной из таких основных целей является предупреждение преступлений. Данная цель достигается благодаря применению мер устрашающего и воспитательного воздействия для недопущения совершения новых преступлений не только самим осужденным, но также и иными лицами¹. Именно в последнем случае, учитывая необходимость устрашающего воздействия на иных лиц – потенциальных коррупционеров, следует говорить об эффективности противодействия взяточничеству путем реализации цели предупреждения таких преступлений.

¹ *Наказание* в российском уголовном праве: учеб. пособие / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зимина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 13.

Содержание

<i>Архипова А.Ю.</i> К вопросу о беспомощном состоянии потерпевшего при совершении убийства.....	3
<i>Богданов Н.Е.</i> Общественная значимость уголовно-правового регулирования криптовалюты.....	8
<i>Бласов Ю.Я.</i> О признании доказательств недопустимыми в досудебном производстве по уголовному делу.....	11
<i>Ворышева К.В.</i> К вопросу о прокурорском надзоре за исполнением законов о противодействии коррупции.....	15
<i>Головизнина Л.А.</i> Криминологическая характеристика современного терроризма.....	20
<i>Ефимовых И.Н.</i> Участие законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном следствии.....	24
<i>Жуков Г.К.</i> Прокурорский надзор за следствием и роль прокурора в уголовном преследовании по российскому законодательству первой половины XIX в.	29
<i>Кирсанова С.О.</i> К вопросу о криминализации акта международного терроризма.....	34
<i>Комогорцева К.А.</i> Исключение недопустимых доказательств в предварительном слушании уголовного дела.....	38
<i>Кондратюк С.В.</i> Уголовно-правовые аспекты квалификации деяний соучастников преступного сообщества (преступной организации).....	43
<i>Кочева Д.В.</i> К вопросу о полномочиях прокурора по привлечению специалистов.....	47
<i>Кузнецов А.А.</i> Понятие, признаки и формы насильственного захвата власти.....	53

<i>Павлова Е.В.</i> Оценка прокурором доказательственного значения заключения специалиста и заключения эксперта в уголовном судопроизводстве.....	64
<i>Петрова А.И.</i> Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав детей – внутренних мигрантов при получении ими государственных услуг в сфере миграции.....	68
<i>Петрова Т.М.</i> Проблемы уголовной ответственности за преступные посягательства на особо охраняемых диких животных и растений.....	73
<i>Ростова В.Н.</i> Роль постановления о возбуждении уголовного дела в системе процессуальных гарантий.....	78
<i>Румянцева И.В.</i> Некоторые вопросы конкуренции уголовно-правовых норм об охране памятников истории и культуры.....	85
<i>Рябов И.М.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве: перспективы нормативного регулирования.....	90
<i>Сальников Н.В.</i> Объект как альтернативный признак состава преступления.....	95
<i>Смакаева Р.А.</i> Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением права на образование.....	101
<i>Усов А.Ю.</i> О перспективах развития взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации с Конституционным Судом Российской Федерации.....	105
<i>Халиуллин А.И.</i> Некоторые криминологические особенности незаконного оборота персональных данных пользователей сервисов каршеринга.....	109
<i>Цывинская В.В.</i> Особенности осуществления прокурором функции уголовного преследования в ходе рассмотрения судом уголовного дела.....	114

<i>Цыганов Д.В.</i> Актуальные проблемы расследования и поддержания государственного обвинения по делам о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов.....	119
<i>Черненко А.И.</i> К вопросу о применении смертной казни в Российской Федерации.....	124
<i>Шадрин И.А.</i> Противодействие взяточничеству в контексте антикоррупционной политики государства.....	129

**Актуальные проблемы
юридической науки и практики:
взгляд молодых ученых**

*Сборник статей участников
XII научно-практической конференции
молодых ученых
(Москва, 10 апреля 2020 г.)*

Подписано в печать 28.12.2020. Формат 60x90/16. Печ. л. 8,5.
Тираж 200 экз. Заказ 44.

Университет прокуратуры Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.